

Глава V

БРЕСТ-ЛИТОВСКАЯ ГОЛГОФА

23 декабря 1917 (5 января 1918) года Ленин подписывает удостоверения членам советской мирной делегации А. А. Биценко, А. А. Иоффе, Л. Б. Каменеву, Л. М. Карahanу, М. Н. Покровскому и Л. Д. Троцкому о том, что они уполномочены Совнаркомом вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и державами Четверного союза¹. На этом этапе переговоров во главе нашей делегации был поставлен нарком по иностранным делам Троцкий. Тогда же Ленин подписал и удостоверения включенным в состав делегации в качестве консультантов В. М. Альтфатеру, В. В. Липскому, В. С. Мицкевичу-Капсукасу, Ф. А. Морозову и К. Б. Радеку². До открытия мирной конференции в состав нашей делегации вошли и другие товарищи.

Еще 20 декабря (2 января) А. А. Иоффе в качестве председателя русской делегации обратился к председателям делегаций стран Четверного союза по вопросу о перенесении места переговоров в нейтральную страну. Ответ последовал незамедлительно, 21 декабря (3 января), и гласил, что перенесение переговоров из Брест-Литовска отклоняется, ибо делегации стран австро-германского блока уже прибыли, дескать, к месту работы мирной конференции, и начать заседать где-то в другом месте не представляется возможным, а потому русская делегация ожидается в Брест-Литовске не позже 23 декабря (5 января)³. Позиция держав Четверного союза в

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 153.

² См. там же.

³ См.: Известия ЦИК. 1917. 24 декабря; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 24 декабря (1918. 6 января); Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 244.

вопросе места переговоров была понятна: мирная конференция проходила в главной квартире германского командования Восточным фронтом, что вполне устраивало австро-германский блок во всех отношениях и прежде всего давало возможность «держать» эти переговоры в изоляции от общественного мнения.

Неуступчивая позиция держав Четверного союза определялась и рядом других факторов. Так, германский канцлер граф Гертлинг, выступая 22 декабря (4 января) в рейхстаге и говоря о работе мирной конференции, сказал, что в Брест-Литовск прибыли представители Украинской Центральной рады и наши делегации приступили с ними к переговорам¹. Высказался Гертлинг и по поводу различного понимания сторонами права наций на самоопределение. «Германия,— говорил канцлер,— опираясь на свое могущество, лояльный образ мыслей и свое законное право, может спокойно ждать, чем кончится этот инцидент»². Словом, для советской стороны было ясно, что Германия и ее союзники постараются «выжать» все из националистической позиции Рады.

В день выступления Гертлинга советская делегация отправила в Брест-Литовск телеграмму, в которой извещала наших партнеров по переговорам, что в связи с их прибытием к месту заседания завтра туда же выедет наша делегация во главе с народным комиссаром по иностранным делам Троцким и что договоренность по вопросу о перенесении места переговоров не создаст затруднений³. В ответ 23 декабря (5 января) на имя Иоффе поступило сообщение, в котором нас ставили в известность о том, что десятидневный перерыв в работе мирной конференции накануне истек и что за это время никто из других воюющих стран не заявил о присоединении к мирным переговорам⁴. Телеграмма была подписана Кюльманом, Черниным и Поповым, руководителями делегаций Германии, Австро-Венгрии и Болгарии соответственно, и Нессими-беем, министром иностранных дел Турции⁵. Документ этот был с явным намеком: державы Четверного союза, как известно, соглашались положить предложенные нами принципы мира в основу переговоров при усло-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 244.

² Там же.

³ См. там же. С. 245; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 24 декабря (1918. 6 января).

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 245.

⁵ См. там же.

вии, если с этими положениями согласятся и присоединятся к переговорам другие воюющие державы. Но этого не произошло, подчеркивалось в телеграмме, и этим нам как бы давалось понять, что первоначально данное согласие государств австро-германского блока с нашими принципами мира теряет свою силу.

24 декабря (6 января) советская делегация во главе с Троцким прибыла в Двинск поездом в Брест-Литовск¹. Было воскресенье, шел 60-й день Советской власти. В немецкой прессе накануне возобновления переговоров разгоралась дискуссия, в которой полемика по вопросу о нашем предложении продолжить конференцию на нейтральной почве, вызвавшем несогласие другой стороны, сливалась с жаркими политическими спорами вокруг внутреннего положения Германии. В день прибытия в Двинск нашей делегации социал-демократическая фракция в германском рейхстаге обнародовала декларацию, в которой заявлялось: «В связи с событиями в Брест-Литовске и атакой аннекционистов на право самоопределения народов фракция социал-демократов рейхстага заявляет вновь, что добрососедские отношения и длительный мир возможен только тогда, если будет честно проведен основной демократический принцип самоопределения народов»². Разумеется, все это вселяло надежду.

В тихую морозную ночь русская делегация перешла линию фронта³. Окопники напутствовали делегацию, желали ей успеха в достижении мира, говорили, что солдаты поддержат ее действия. От имени делегации Троцкий заверял солдат, что «революция не склонит головы перед германским империализмом, что не для того сбросили русские крестьяне, солдаты и рабочие иго царя, чтобы подчиниться другому игу»⁴. Мертвая тишина царяла в немецких окопах при пересечении их нашей делегацией. А затем знакомый путь: сначала на санях, потом по узкоколейке в вагонетках и, наконец, в экстренном поезде. 25 декабря (7 января) в 9 часов утра советская делегация в составе Троцкого, Иоффе, Каменева, Покровского, Биценко, Карахана, Радека, Альфатера и

---

¹ См.: Правда. 1918. 10 января (1917. 28 декабря).

² Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 29 декабря (1918. 11 января).

³ См.: Правда. 1918. 9 января (1917. 27 декабря). Экстренный выпуск.

⁴ Там же.

Липского прибыла в Брест-Литовск¹. На вокзале состоялась официальная встреча, после которой делегация направилась в свое помещение, где тут же утром прошло совещание с представителями Украинской Центральной рады, уже в течение нескольких дней находившимися в Брест-Литовске и ожидавшими, в частности, прибытия нашей делегации.

На совещании решался один вопрос; единые выступления в ходе работы мирной конференции². В принципе удалось договориться о том, что обе делегации будут выступать с заявлениями совместно, предварительно обсуждать вопросы между собой, что вместе выступят и по поводу переноса переговоров на нейтральную почву³. Одним словом, первоначально казалось, что есть все основания полагать о единых действиях двух делегаций при возобновлении работы мирной конференции. Ввиду того, что руководитель делегации Украинской Центральной рады Голубович еще не прибыл в Брест-Литовск, начало работы конференции было перенесено с понедельника, 25 декабря, на вторник, 26 декабря⁴. При этом русская и украинская делегации договорились, что работу начнут с заявления представителей Украины об их самостоятельном участии в переговорах и что после признания их полномочий будет поднят вопрос о месте заседаний конференции в дальнейшем.

26 декабря (8 января) мирная конференция еще не открылась: Голубович в Брест-Литовск пока не прибыл. Однако этот день был весьма примечательным: в американском конгрессе выступил президент США Вудро Вильсон, выдвинувший в своей речи «14 пунктов» послевоенного устройства мира. О его выступлении и изложенной им «программе мира» написано много, и нет необходимости останавливаться на этом. Для нас важно только то в речи американского президента, что помогает раскрытию темы.

Ленинский Декрет о мире, советские мирные предложения, брест-литовские переговоры сначала о перемирии, а затем и о мире завоевали умы народов, оказали большое воздействие на их настроение. Не были исключением Англия, Франция и Италия. Все это, разумеется,

---

¹ См.: Правда. 1918. 9 января (1917. 27 декабря). Экстренный выпуск.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

беспокоило правящие круги США, стремившихся занять доминирующее положение в послевоенном мире. Изложенная Вильсоном «программа мира» американских империалистов и представляла собой своеобразное противопоставление советской программе мира без аннексий и контрибуций. Буржуазная печать и не скрывала, что целью речи Вильсона было желание США перехватить мирную инициативу у Советов, предстать перед всеми поборником мира, скрывая свои истинные цели за лицемерными рассуждениями о демократии, за туманными и расплывчатыми формулировками о свободе народов в решении своих судеб. Уже 28 декабря (10 января) наши газеты начали давать информацию и выдержки из речи американского президента, а 30 декабря (12 января) она была опубликована в «Известиях ЦИК». Накануне возобновления работы брест-литовской мирной конференции американский президент высказывался, по сути дела, за продолжение русским народом войны во имя защиты «мировой цивилизации» и конечно же своих собственных прав. Играя на естественных патриотических чувствах людей, Вильсон говорил, что хотя русский народ бессилен и беспомощен перед Германией, но тем не менее его дух не побежден, и он не хочет уступать ни в принципах, ни в действиях.

Специальный, шестой пункт вильсоновской «программы мира» был посвящен русским делам. В нем весьма туманно говорилось о гарантиях России «в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики». В этом пункте демагогически заявлялось об эвакуации с территории России всех иностранных войск, об оказании русскому народу поддержки и помощи, о принятии его в «сообщество свободных наций». Если говорить в целом, то этот пункт был верхом лицемерия: в октябре 1918 года в официальных комментариях для служебного пользования ко всей этой «программе мира», в том числе и к шестому пункту, касающемуся русского вопроса, в России предусматривалось свержение Советской власти и превращение ее отдельных частей в зависимые от иностранных государств территории¹. А пока расчет был

---

¹ См.: Никольников Г. Л. Брестский мир и Украина. Киев, 1981. С. 51; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 155; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 123—124.

один: «поддержать» Россию в ее трудный час против германского хищника, а если удастся, то и втравить ее в продолжение военного столкновения с Германией, подкрепить позиции тех сил в России, которые выступали против каких-либо соглашений с германским империализмом. Такова была обстановка в канун возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске.

Заседания там открылись 27 декабря (9 января). И начались они не совсем по тому сценарию, о котором предварительно договаривались представители русской и украинской делегаций. Но все по порядку. Прежде всего о составах делегаций на этом этапе работы мирной конференции¹. Русскую делегацию возглавил Л. Д. Троцкий. В ее состав вошли А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, М. Н. Покровский, А. А. Биценко, В. А. Карелин, секретарь делегации Л. М. Карахан. Военными консультантами делегации были контр-адмирал В. М. Альфатер, капитан Липский, генерал А. А. Самойло. В состав делегации были включены консультанты по национальным вопросам — К. Б. Радек, П. И. Стучка, С. Бобинский, В. Мицкевич-Капсукас.

В украинскую делегацию входили В. М. Шахрай и Е. Г. Медведев, которые прибыли позже — за неделю перед началом уже третьего этапа работы мирной конференции.

Свою делегацию имела и Украинская Центральная рада: статс-секретарь Голубович, М. Левитский, М. Любинский, М. Полозов, А. Севрюк. Консультантами ее делегации были ротмистр фон Гассенко, профессор Е. Остапенко.

Делегация Германии была представлена статс-секретарем фон Кюльманом, директором правового департамента Криге, посланником фон Розенбергом, тайным легационным советником фон Штокгаммером, легационным советником фон Балигандом, легационным секретарем фон Гешем, генерал-майором Гофманом, капитаном 1-го ранга Горном, майором Бринкманом.

В состав австро-венгерской делегации входили министр по иностранным делам граф Чернин, директор департамента доктор Грац, посланник барон фон Миттаг, посланник фон Визнер, легационный советник барон Андриан, легационный советник граф Коллоредо, легационный секретарь граф Чаки, фельдмаршал-лейтенант

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 41—43.

фон Чичерич, обер-лейтенант Покорный, майор фон Глайзе.

Делегация Болгарии состояла из министра юстиции Попова, посланника Коссова, посланника Стояновича, полковника Гантчева, легационных секретарей Анастасова и Кермекчиева, капитана 1-го ранга Нодева, капитана Маркова.

В турецкую делегацию входили великий визирь Талаат-паша, министр по иностранным делам Нессими-бей, посол Ибрагим Хакки-паша, генерал от кавалерии Ахмед Иззет-паша, капитан Хуссен Рауф-бей, секретарь посольства Вехби-бей, майор Садик-бей, капитан 2-го ранга Комал-бей.

Первое после перерыва пленарное заседание конференции открыл в 11 часов 10 минут Талаат-паша, передав председательствование Кюльману¹. Последний обратил внимание присутствующих на то, что ранее принятые формальности ведения заседаний будут, видимо, действовать и впредь, что в составах делегаций произошли персональные изменения. Затем Кюльман перешел к подробному изложению истории переговоров сначала о перемирии, а затем и о мире. И когда он дошел в изложении вопроса до условий, выдвигавшихся державами Четверного союза при даче ими согласия на предложенные русской делегацией принципы демократического мира, Кюльман подчеркнул, что за установленный срок перерыва в работе конференции в 10 дней «ни от одной из остальных участниц войны не поступало заявления о присоединении к мирным переговорам»². Из слов Кюльмана следовало, что согласие австро-германского блока с русскими принципами демократического мира имеет силу лишь в случае присоединения к ним других воюющих государств. «Неисполнение этого условия,— сказал в этой связи Кюльман,— повлекло за собой последствие, вытекающее как из содержания заявления, так и из истечения срока: документ стал недействительным»³. И поэтому, продолжал Кюльман, мы возобновляем переговоры «с того пункта, на котором мы остановились до наступления рождественского перерыва»⁴. Таким образом, с первых же минут возобновления работы мирной конференции противная сторона дала понять, что с нашими

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же.

принципами заключения мира она в создавшихся условиях считаться не будет. Немцы шли в атаку.

Далее Кюльман перешел к вопросу о нашем предложении относительно перенесения мирных переговоров на нейтральную почву, конкретно — в Стокгольм. По этому поводу он сказал, что на заключительном этапе мирных переговоров можно будет подумать о перемене места, исходя из «международной вежливости»¹. Подчеркнув большое значение атмосферы, в которой проходят переговоры, Кюльман стал обвинять русскую делегацию в неискренности провозглашаемых ею миролюбивых целей. С момента перерыва, заявил Кюльман, «случилось многое, что казалось способным возбудить сомнения в искреннем намерении Русского Правительства добиться заключения скорого мира с державами Четверного союза»². По словам Кюльмана, речь шла о некоторых полуофициальных заявлениях нашего правительства, распространяемых Петроградским телеграфным агентством (ПТА), которое за границей рассматривается как русский официоз. И здесь Кюльман сделал еще один полуугрожающий выпад, заявив, что все сказанное им по этому поводу не приведет, как он полагает, к неудаче дела мира и к возможности «возобновления войны на Востоке с ее неисчислимыми последствиями»³.

Взявший слово Чернин изъявил желание кое-что добавить к замечаниям Кюльмана. Чернин стал разъяснять, как он выразился, почему «мы категорически отказываемся перенести переговоры в настоящий момент в нейтральную страну»⁴. Указав, что с технической точки зрения в Брест-Литовске налажена связь с Петроградом, Киевом и другими местами, без чего было бы очень затруднительно вести переговоры, Чернин подчеркнул другое важное обстоятельство, не позволяющее, по его мнению, переносить переговоры на нейтральную почву. Поскольку союзные России страны не присоединились к переговорам, сказал Чернин, и не ответили на обращение к ним в течение десятидневного перерыва в работе мирной конференции, то, следовательно, «сегодня речь идет не о всеобщем мире, но о мире сепаратном между Россией и державами Четверного союза»⁵. И если в этом

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 46.

² Там же.

³ Там же. С. 47.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

случае переговоры будут перенесены в нейтральную страну, то державы Антанты, заявил Чернин, получают «давно желанную возможность вмешаться, с целью воспрепятствовать делу мира»¹. Антанта открыто и за кулисами испробует все, «чтобы помешать осуществлению сепаратного мира», и мы, естественно, «отказываемся дать западным державам эту возможность»². Вместе с тем Чернин указал, что державы Четверного союза «готовы закончить формальности переговоров, а также подписать мирный договор в нейтральном городе, который надлежит еще определить»³.

Остановился Чернин и на территориальных вопросах в переговорах, напомнив, что на последнем пленарном заседании было окончательно условлено передать их в специально созданную комиссию, «которая немедленно и начнет свои работы»⁴. Заключая свои добавления к замечаниям Кюльмана, Чернин сказал, что если обе стороны «согласны довести переговоры до конца»⁵, то можно надеяться на достижение результатов, удовлетворяющих всех. И здесь Чернин, действуя безусловно по заранее намеченному с Кюльманом плану, делает в свою очередь, как говорят фехтовальщики, выпад шпагой. В противном случае, то есть если русская делегация не помышляет о доведении переговоров до конца, разумеется на условиях австро-германского блока, «события пойдут своим неизбежным ходом, но ответственность за продолжение войны падет тогда исключительно на Русскую делегацию»⁶. Итак, еще одна полуугроза, полуультиматум со стороны держав Четверного союза.

К заявлениям Кюльмана и Чернина присоединились Талаат-паша и Попов, и линия действий австро-германского блока стала ясной. Затем слово взял Гофман. Он говорил об имеющихся в его распоряжении телеграммах и воззваниях, выпущенных от имени представителей русского правительства и командования, в которых содержались якобы оскорбления по адресу германской армии и ее командования, а также призывы революционного характера к германским войскам. Гофман, выразив ре-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 47.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

шительный протест против формы этих материалов, заявил, что они «противны духу заключенного между обеими армиями перемирия»¹. К протесту Гофмана присоединились также Чичерич от Австрии, Гантчев от Болгарии и Иззет-паша от Турции.

После обращения Кюльмана к русской делегации с вопросом, не желает ли кто из наших представителей выступить, Троцкий предложил объявить перерыв заседания. Договорились возобновить работу во второй половине дня². Однако в этот день, 27 декабря, заседание больше не возобновлялось: оно было отложено по нашей просьбе на 28 декабря³.

Возвратившийся после кратковременного пребывания в финском санатории «Халила» в Петроград Ленин знакомится 28 декабря с полученной из Брест-Литовска информацией, из которой явствует, что в Германии берут верх представители военных кругов, сторонники войны против Советской России⁴. В этот же день Ленин участвует в совещании большевиков — депутатов Учредительного собрания, на котором обсуждаются вопросы его открытия, а также ход мирных переговоров в Брест-Литовске⁵.

Работа мирной конференции находит в этот день отражение на страницах печати, на различных заседаниях большевиков. Начинается поляризация точек зрения по проблемам мира, войны и революции. Отказ немцев пойти на мир без аннексий, пишет, например, «Правда», ребром ставит вопрос о возобновлении военных действий. И далее газета заявляет: «Вопрос о революционной войне ставится, таким образом, в порядок дня, и представляется необходимым рассмотреть, можем ли при настоящих условиях вести такую войну»⁶. Вместе с тем «Правда» обращает внимание и на выяснение другой проблемы — «может ли и в каких пределах может теперь Германия вести империалистическую войну на нашем фронте»⁷.

Об этом же 28 декабря говорилось на заседании Пе-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 48.

² См. там же.

³ См. там же. С. 48—49.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 157.

⁵ См. там же.

⁶ Правда. 1918. 10 января (1917. 28 декабря).

⁷ Там же.

тербургского комитета большевиков¹. Оно проходило под председательством М. Я. Лациса и обсуждало доклад Я. Г. Фенигштейна о мирной политике Советской власти².

Подчеркнув нелегкие условия, в которых существует страна и революция и приходится работать Советскому правительству, докладчик заявил, что «нет иного исхода, как борьба за тот мир, о котором мы говорим», что «не должно быть уступок германским империалистам»³. И может случиться при этом так, продолжал он далее, что мирная конференция не придет к каким-либо определенным решениям и переговоры будут прерваны, а мы встанем перед неизбежностью вести войну. «Война, которая может явиться следствием такой политики,— сказал оратор,— будет отличаться от всякой другой войны. Сознательные рабочие, крестьяне и солдатские массы поймут, что другого исхода нет»⁴. По мнению докладчика, была допущена большая ошибка, когда массам внушалась мысль о том, что достаточно только начать переговоры, и заключение мира будет обеспечено. «Теперь нам придется проделать огромную идейную работу в этих массах,— говорил оратор,— о невозможности идти на германские условия мира и о возможности революционной войны с нею»⁵.

Выступивший в прениях Ф. Н. Дингельштедт остановился, в частности, на вопросах революционной войны. «Ресурсы для ведения этой войны самые ничтожные,— говорил он.— Вопрос этот можно ставить только демонстративно. Если ведение революционной войны технически невозможно, то демонстративно она имеет значение поддержки нашей мирной политики»⁶. Что же касается действительного ведения такой войны, продолжал оратор, то достаточно «хоть сколько-нибудь знать дело на фронте», чтобы понять — «мы осуществить революционную войну не можем»⁷. Далее Дингельштедт говорил о том, что нынешняя ситуация должна прорабатываться и теоретически, и в этом смысле нужна «самая широкая

---

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 380—385.

² См. там же. С. 380.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Там же.

дискуссия», был бы желателен партийный съезд с широким представительством от армии¹.

«Фронт хочет мира»,— сказал в своем выступлении Семков, необходимо «затянуть переговоры», развернуть агитацию, подготавливая людей к осознанию неизбежности столкновения². За дискуссию по этому вопросу высказался в свою очередь М. Я. Лацис.

Вопрос о мире стоит очень остро, подчеркивал в своем выступлении С. В. Косиор, и мы вместе с тем «имеем основания предполагать, что известные колебания на верхах нашей партии есть» по этим проблемам³. Он согласился с тем, что нужна «большая твердость» при проведении нашей линии, чтобы «развязать революцию на Западе», но в то же время указал, что «затягивание переговоров — это чепуха»⁴. Определяя свою точку зрения, Косиор заявлял: «Не мы должны вести теперь оборонительную политику, а мы должны наступать. Не должны мы начинать торг с империалистами»⁵. И далее он заключал: «Лучше мы удержим хоть что-нибудь, чем потерпеть поражение»,— говорят товарищи. Я же думаю, что лучше потерпеть поражение, чем идти на компромисс».

С высказываниями Косиора согласился А. А. Селицкий, который, в частности, говорил: «Что касается мирных переговоров, то мы должны крепко стоять на своей позиции. Иначе ставить вопрос мы не можем. Если бы мы до сих пор ставили вопрос в плоскости соглашательства и компромиссов, то что могло бы из этого получиться?»⁶

Вслед за Селицким выступал В. Володарский, который также упомянул «верхи» нашей партии, где «что-то творится, о чем нам не говорят»⁷. И далее он сказал, что в высшем эшелоне партии «замечается течение за похабный мир, с нашей точки зрения течение очень опасное для всей рабочей революции»⁸. Этим миром, указывал Володарский, мы «скомпрометируем себя перед лицом

---

¹ См.: Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 381.

² См. там же. С. 382.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 383.

мирового революционного движения», и если даже нам «предстоит гибель, то мы не должны оттягивать гибель, так как, оттягивая, мы можем сгнить на корню»¹. Призывая твердо придерживаться наших принципов, не идти ни на какие уступки, готовиться к революционной войне, перспективы которой, по мнению оратора, не так уж безнадежны, как на это указывали некоторые выступавшие в прениях товарищи, Володарский приходил к выводу, что Петроградский комитет большевиков должен идти этим путем.

О том, что нам надо надеяться на пролетариат других стран, а не на свои внутренние силы, говорила в своем выступлении С. Н. Равич, подчеркивая, что наша твердая линия «может послужить и ускорению» революционного кризиса на Западе².

Несогласие с постановкой вопроса, что надо прервать переговоры, если немцы «упрутся», выразил М. С. Горелик, считая такую политику губительной для нашего рабочего класса и его борьбы. «Есть другой выход — не ставить все на банк,— говорил Горелик.— Тот, кто был вчера и сегодня на заводах, тот не скажет, что там все и всё готовы к революционной войне. Нам надо некоторое время, чтобы подготовиться. Ведь все рабочие уверены, что наша мирная делегация привезет мир, не придет без мира. Большие надежды питать на Красную гвардию не приходится. На наши верхи мы должны повлиять только в смысле оттяжки времени. Это укрепит наши силы как внутри нашей страны, так и вне ее... Единственный выход — оттяжка»³. Большевик Моисей Самуилович Горелик, известный под партийным псевдонимом Виктор, станет в последующем членом подпольного Крымского областного комитета РКП(б) и в мае 1920 года в Симферополе будет казнен белогвардейцами⁴.

Выступая на заседании с заключительным словом, Я. Г. Фенигштейн высказался против затяжки переговоров и заявил: «Мы войны не объявляем, мы принимаем определенную политическую платформу. Мы развиваем определенную агитацию»⁵.

Таковы были точки зрения по интересующим нас во-

---

¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. С. 383.

² См. там же. С. 384.

³ Там же. С. 385.

⁴ См. там же. С. 392.

⁵ Там же. С. 385.

просам в руководящих кругах одной из крупнейших организаций партии — Петроградской. Какова же была позиция в эти дни еще одной большой организации — Московской областной? 28 декабря состоялось пленарное собрание областного бюро РСДРП(б), которое рассмотрело тезисы А. Ломова (Г. И. Оппокова) о мире с критикой внешней политики СНК и приняло резолюцию в связи с проводимой нами в Брест-Литовске линией¹. Подчеркнув, что укрепление и развитие революции «в России и во всем мире требует прежде всего окончания» демократическим путем империалистической бойни, что «заклучение демократического мира возможно лишь при переговорах самих народов», свергнувших свои буржуазные правительства, резолюция указывала, что «мир же социалистической России с империалистической Германией может быть лишь миром грабительским и насильническим». В связи с этим пленарное собрание областного бюро нашло необходимым в первом же пункте принятой резолюции записать: «Прекращение мирных переговоров с империалистической Германией, а также и разрыв всяких дипломатических сношений со всеми дипломатизированными разбойниками всех стран»². Цель этого акта высказывалась в последнем, пятом пункте резолюции: «Немедленное создание добровольческой революционной армии и беспощадная война с буржуазией всего мира за идеи международного социализма»³.

Отметим также, что в Московское областное бюро ЦК РСДРП входил Бухарин и оно в то время руководило партийными организациями Московской, Ярославской, Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Калужской, Орловской, Воронежской и Смоленской губерний⁴.

«Московская» резолюция была принята 28 декабря 1917 (10 января 1918 года). Но обнародована она будет лишь две недели спустя в газете «Социал-демократ» за 12 (25) января 1918 года, то есть тогда, когда в партии

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 285—286; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. М.; Л., 1928. С. 279.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 286.

³ Там же.

⁴ См.: Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 200.

начнет разгораться дискуссия вокруг брест-литовских мирных переговоров¹.

Горячим было 28 декабря и в Брест-Литовске, где в этот день состоялось второе пленарное заседание мирной конференции. Оно открылось под председательством Кюльмана, предоставившего слово руководителю делегации Украинской Центральной рады Голубовичу. Последний, в частности, сказал, что представляемое им государство, народ которого всегда стремился к миру, первым откликнулось на призыв присоединиться к переговорам². Отдав должное представителям «демократии Великороссии», которые «смело перешли окопы враждующей страны для того, чтобы не на поле брани, кровью и железом, а путем дружественного соглашения народов достигнуть всеобщего мира», Голубович говорил, что свое государственное положение они определили III Универсалом 7 (20) ноября 1917 года и что Украинская Народная Республика (УНР) «в настоящий момент возобновляет свое международное бытие, утерянное более 250 лет тому назад, и, со всей полнотой присущих ей в этой области прав, выступает сейчас в международных сношениях»³. Продолжая, он подчеркнул, что мы считаем «справедливым занять самостоятельное место на нынешних мирных переговорах» и по этому поводу вручаем всем воюющим и нейтральным державам соответствующую ноту Генерального Секретариата УНР⁴. И Голубович зачитал эту ноту, подписанную председателем Генерального Секретариата Винниченко и Генеральным секретарем по международным делам Шульгиным⁵. Ее содержание свидетельствовало о том, что от предварительной договоренности двух делегаций, русской и украинской, выступать общим фронтом мало что останется в свете тех инструкций, которые Голубович, как это можно было судить по зачитанной им ноте, привез из Киева.

Что же фиксировалось в этой ноте? В ней излагалась история самоопределения УНР, ее отношение к мирным переговорам в Брест-Литовске. Однако при этом давались такие оценки принципиальных вопросов текущих событий, которые сразу же говорили за то, что Рада не

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 286.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 49.

³ Там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 49—51.

будет союзницей русской делегации, что ее мало интересует судьба России в целом, что она боится Советской власти и большевиков, усматривая в них гораздо больших врагов, чем в державах австро-германского блока. И на некоторых моментах в этом плане мы не можем не остановиться.

Например, в самом начале документа подчеркивалось, что УНР встает «на путь самостоятельных международных отношений до того времени, пока не будет создана общегосударственная федеративная власть в России и не будет разделено международное представительство между Правительством Украинской Республики и Федеративным Правительством будущей Федерации»¹. Иными словами, Рада не признавала в качестве центральной какую-то там власть, установленную в Петрограде. Этим тезисом, кстати, не раз будут в дальнейшем пользоваться на переговорах в Брест-Литовске представители делегаций Четверного союза.

В ноте говорилось об активной политике УНР в области мира: посылка своих представителей на Юго-Западный и Румынский фронты, которые сейчас представляют, как указывалось в документе, один фронт — Украинский; информирование по принимаемым действиям стран Антанты; направление своих представителей в Брест-Литовск для информации и наблюдения, когда СНК повел переговоры о перемирии на всех фронтах. Относительно последнего в ноте несправедливо, незаслуженно, с подтасовкой и искажением фактов содержались обвинения в адрес Советского правительства. Хотя о прибытии делегатов Украины для участия в переговорах, заявлялось в документе, представители СНК были извещены, они «самостоятельно подписали общее перемирие без всякого соглашения с Правительством Украинской Народной Республики»².

Заключительная часть ноты касалась переговоров о мире, ведущихся в Брест-Литовске между державами Четверного союза и, как Рада именовала правительство Советской России, Советом Народных Комиссаров. Изложенные здесь в первых шести пунктах общие положения о демократическом мире без аннексий и контрибуций соответствовали принципам мира, предложенным еще до перерыва в работе мирной конференции русской

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 49.

² Там же. С. 50.

делегацией. Но вот в последних трех пунктах за назойливо звучащим и выпячиваемым националистическим «я», что в общем-то можно было понять в условиях, когда царская «тюрьма народов» уже рухнула, а новых форм многонациональной государственности пока еще создано не было и они лишь едва нащупывались,— в этих пунктах отчетливо звучала линия на непризнание Советской власти. Так, в восьмом пункте подчеркивалось, что поскольку власть СНК не распространяется на всю Россию, то «поэтому мир, который может быть заключен в результате переговоров с воюющими с Россией державами, станет только тогда обязательным для Украины, когда условия этого мира будут приняты и подписаны Правительством Украинской Народной Республики»¹.

И, наконец, последний, девятый, пункт ноты, которым Рада предопределяла свои отношения с Советской властью. «Мир от имени целой России,— подчеркивалось в нем,— может быть заключен только тем правительством (правительством притом федеративным), которое будет признано всеми республиками всех областей России, а если такое правительство в ближайшее время не будет сконструировано,— то только объединенным представительством этих республик и областей»². Словом, подписать мир могло только такое правительство, по мысли Рады, которое будет признано Калединым, Дутовым, националистами Молдавии, Кавказа, Башкирии, самой УНР и другими.

Скажем прямо, именно такая абсолютная нереальность, нежизненность и нужна была Раде. Почему? Позволим себе здесь вернуться к умышленно пропущенному нами пока пункту седьмому ноты. Имея на своей территории Украинский фронт, говорилось в нем, и выступая самостоятельно в международных делах, УНР «должна принять участие, наравне с другими державами, во всех мирных переговорах, конференциях и конгрессах»³. Коротче говоря, австро-германский блок приглашался Радой к сепаратным переговорам. За правильными словами о самоопределении, самостоятельности и суверенности скрывалось жало раскола общего фронта борьбы против аннексионистских притязаний империалистов держав Четверного союза и, как следствие этого, будущее, самых ближайших дней, предательство интересов революции.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 51.

² Там же.

³ Там же. С. 50—51.

И это сразу же поняли представители австро-германского блока. Чернин и Кюльман тут же проявили заинтересованность в получении точного текста ноты на немецком языке, поскольку, как сказал украинский представитель Любинский, оригиналы подписей имеются лишь на французском тексте ноты. Ноту украинской делегации, сказал Кюльман, предлагаю «как важный исторический документ приобщить к делам конференции»¹. Этот документ, продолжал Кюльман, может «при известных обстоятельствах существенно повлиять на весь ход мирных переговоров», поскольку, подчеркнул он, «до сих пор относительно всех вопросов, касающихся Российского государства, переговоры велись здесь с гг. Представителями Петроградского Правительства»². И Кюльман при этом обратился к Троцкому с вопросом, намерены ли «он и его делегация» впредь быть «единственными дипломатическими представителями всей России»³.

Троцкий высказался в том смысле, что наша делегация «не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах»⁴. Однако Кюльман стал настаивать на том, чтобы мы более точно определили права, которыми будут пользоваться при участии в мирных переговорах украинские представители. В частности, немцев интересовал вопрос, связанный с областью Черного моря, — следует ли им при обсуждении этих вопросов иметь дело с нашей делегацией или же решать их с представителями Украины? Троцкому пришлось здесь отвечать таким образом, что относительно области Черного моря пока решать трудно, ибо Украинская Республика, как он сказал, «находится сейчас именно в процессе своего самоопределения»⁵.

В ходе уточнения точек зрения Кюльман поставил вопрос: «Должна ли Украинская делегация считаться частью Русской делегации, или же она в дипломатическом отношении является представительницей самостоятельного государства?»⁶ С нашей стороны последовал положительный ответ, который удовлетворил Кюльмана и Голубовича. Последний при этом просил иметь в виду, что русская и украинская стороны являются «двумя со-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

вершенно отдельными самостоятельными делегациями одного и того же русского фронта бывшей Российской Империи»¹.

На этом вопрос о статусе делегации Украины был решен; нам предстояли тяжелые переговоры с империалистами австро-германского блока, которые заполучили в свой арсенал «украинскую карту».

Далее стороны стали выяснять обоснованность тех претензий, которые выявились на предыдущем заседании. Мы обвинили державы Четверного союза в том, что наши официальные заявления искажаются их печатью, не доводятся до сведения их народов. И, как мы подчеркивали, «в этой неполной осведомленности общественного мнения о ходе мирных переговоров мы усматриваем действительную опасность для успешного завершения наших работ»². Что же касается протеста Гофмана, поддержанного военными представителями Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, усмотревшими в наших воззваниях и в нашей печати критику их государственных устройств, то Троцкий в связи с этим заявил: «Ни условия перемирия, ни характер мирных переговоров ни в каком смысле и ни с какой стороны не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся сторон»³. И поэтому мы оставляем «за собой и за нашими согражданами полную свободу пропаганды республиканских и революционно-социалистических убеждений», равно как и не усматриваем повода для протеста, когда вы и ваши правительства, продолжал далее Троцкий, «распространяют среди русских пленных и среди наших солдат на фронте полуофициальные германские издания, проникнутые духом крайней тенденциозности и капиталистическими воззрениями, которые мы считаем глубоко враждебными интересам народных масс»⁴.

Троцкий высказался также и по поводу заявления держав Четверного союза относительно того, что ранее данное ими согласие о присоединении к принципам заключения мира, предложенным русской делегацией, теряет силу, поскольку никто из других воюющих стран не присоединился к переговорам. Подчеркнув, что мы будем вести переговоры о мире вне зависимости от того, примут ли в них участие страны Антанты или нет, он сказал:

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Там же.

⁴ Там же.

«...Мы со своей стороны считаем нужным заявить, что провозглашенные нами принципы демократического мира, которые мы будем продолжать отстаивать, не погашаются ни десятидневным, ни иным сроком, так как они представляют собой единственно мыслимую основу сожительства и сотрудничества народов»¹.

Далее Троцкий вновь вернулся к вопросу о месте ведения переговоров, напомнив об известном нашем предложении и указав, что этим мы хотели бы поставить обе стороны «в однородные условия», что «благоприятствовало бы нормальному течению самих переговоров и облегчило бы скорейшее заключение мира»². Выразив согласие с точкой зрения австро-германского блока о влиянии атмосферы условий на переговоры, он сказал, что в Брест-Литовске в этом смысле мы находимся «в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей», что никакой прямой провод для сообщений с Петроградом не возмещает «невыгоды искусственной изоляции», которая, «сама по себе создавая неблагоприятную атмосферу для наших работ, поселяет в то же время тревогу и беспокойство в общественном мнении нашей страны», протестующем против ведения переговоров «в крепости, оккупированной германскими войсками»³.

Исходя из изложенного, наша делегация не могла согласиться решать в таких условиях судьбу поляков, литовцев, латышей, эстонцев, армян и других, то есть находить развязки по таким проблемам, по которым, как мы подчеркивали, «существуют глубокие разногласия между двумя сторонами»⁴. Советская делегация не могла и принять доводы технического и политического порядка держав Четверного союза, отказывавшихся перенести переговоры в нейтральную страну. Речь шла о трудностях якобы связи со своими правительствами, о попытках Антанты сорвать переговоры. Относительно последнего Троцкий заявлял, что «Революционная Российская власть в достаточной мере обнаружила свою независимость по отношению к дипломатическим махинациям кого бы то ни было, что у нас есть все возможности оградить себя от них, что мы решительно не видим никаких оснований полагать, будто «дипломатия Согласия могла

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Там же.

⁴ Там же.

бы на почве нейтральной страны оперировать против мира с большим успехом, чем в Петрограде»¹.

Решительно отвергла наша делегация и обвинения противной стороны в неискренности и незаинтересованности якобы советских представителей в благоприятном исходе мирных переговоров. «Наше отношение к делу,— говорил по этому поводу Троцкий,— мы показали в вопросах о Финляндии, Армении и Украины. Противной стороне остается показать свое отношение, хотя бы только на оккупированных областях»². И далее он говорил, что действительные аргументы нежелания австро-германского блока перенести переговоры в нейтральную страну основываются на силе Германии, которая ставит нам, по сути дела, ультиматум: либо в Брест-Литовске, либо нигде. В своем стремлении удовлетворить свои аннексионистские притязания, подчеркивал Троцкий, вы хотите свалить вину за срыв переговоров на нас, и поэтому мы принимаем ваш ультиматум. Мы принимаем его и «считаем своим долгом перед народами и армиями всех стран сделать новое усилие, чтобы здесь, в главной квартире Восточного фронта, узнать ясно и точно, возможен ли сейчас мир с четырьмя объединенными Державами без насилий над поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и др. народами, которым русская революция со своей стороны обеспечивает полное право на самоопределение...»³. Выразив надежду, что это наше заявление дойдет до народов, с которыми мы хотим жить в мире, Троцкий предложил перейти к дальнейшей работе конференции, поскольку русская делегация снимает свое предложение о переносе переговоров в нейтральную страну.

И когда Голубович попытался обусловить начало работы конференции получением ответа как на свое заявление, так и на заявление русской делегации об УНР, вмешался Кюльман, сказавший, что раз возражений против участия в конференции представителей Украины нет, то надо начинать ее работу. «Наши переговоры и так уже задерживаются неприятными инцидентами,— занервничал Кюльман.— Такая отсрочка непонятна народам и вряд ли может быть ими одобрена», и он предложил «приняться за продолжение работ мирной конференции в ускоренном темпе», а специальные вопросы ре-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 57.

² Там же.

³ Там же. С. 59.

шать «в спешном порядке» на специальных же совещаниях представителей стран Четверного союза, России и Украины¹.

Кюльман сказал также, что заявление русской делегации по вопросу об участии в переговорах представителей Украины необходимо изучить, но продолжение работы конференции он не хотел бы ставить в зависимость от ответа на это заявление и поэтому предлагает собраться сегодня же, решив вопрос, будет ли это пленарное заседание или предварительное совещание между нами и русской делегацией. Опыт показал, продолжал Кюльман, что предварительное рассмотрение вопроса полезно для последующей работы на пленарном заседании. В обмене мнениями участвовали Кюльман, Чернин, Троцкий, Иоффе, Голубович. Однако последний заявил, что его делегация до обсуждения создавшегося положения пока высказаться не может. В результате договорились собраться во второй половине дня в узком составе представителям Германии, Австро-Венгрии и России.

Вечером, на заседании политической комиссии, Кюльмана интересовало одно: готова ли русская делегация дать «исчерпывающие сведения» в случае обсуждения экономических вопросов². Отвечая, Троцкий говорил, что это зависит от урегулирования основного разногласия между нами, касающегося различного понимания права наций на самоопределение, что нецелесообразно говорить об экономических проблемах до решения вопроса о судьбе Польши, Литвы, Курляндии, Армении. Соглашаясь с этим, Кюльман подчеркивал, что он не хотел бы терять время, ибо дебаты по национальным проблемам могут занять несколько дней, где была бы занята только часть делегаций, а другая могла бы в это же время обсуждать экономические и правовые вопросы. После обмена мнениями договорились, что завтра политическая комиссия соберется в том же составе.

29 декабря она заседала дважды: утром и вечером³. «Тяжелым» был этот день в Брест-Литовске. Утром сразу же разгорелась полемика вокруг оккупированных Германией областей Литвы, Латвии, Польши, Эстонии, Белоруссии, судьбы народов этих территорий. Линия на свободное самоопределение наций столкнулась с курсом на территориальные притязания. В дискуссии в основ-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 60.

² См. там же. С. 61.

³ См. там же. С. 65—66.

ном участвовали Троцкий, Кюльман, Чернин и Иоффе. Кюльман прямо заявил, что очищение занятых германскими войсками земель возможно лишь после заключения мира и демобилизации русской армии¹. На слова Троцкого о неприемлемости для нас такой постановки вопроса Кюльман высказался в том смысле, что она и не подлежит обсуждению². И далее он изложил «обоснование» австро-германским блоком этой точки зрения. Кюльман заявлял: «До тех пор, пока мир не заключен и русская армия не демобилизована, каждую минуту есть опасность, что русская армия снова предпримет наступательные действия. Это возможно, как вследствие перемены правительственной системы в государстве,— что не один раз имело место во время войны,— так и вследствие перемены курса у нынешнего Российского Правительства»³.

Русской делегации не всегда было легко опровергать доводы противной стороны, как, например, приведенное заявление Кюльмана, которое с точки зрения формальной логики строилось на фактах, действительно имевших место: за годы войны было покончено с царизмом, свергнута власть Временного правительства. И из слов Кюльмана естественно следовало: нет гарантий, что и нынешнее правительство России может удержаться у власти.

Наша делегация пыталась нащупать возможности компромисса. Так, Троцкий высказал мысль об осуществлении параллельного процесса: Германия очищает оккупированные территории, а мы в это же время проводим демобилизацию своей армии⁴. Мы согласны выводить из этих областей свои войска, заявил в ответ Кюльман, даже не дожидаясь заключения мира, но только после демобилизации вашей армии, и это, подчеркнул он, является уступкой с нашей стороны⁵. Вы после заключения мира, подал реплику Чернин, вступите в полосу развития, а мы будем еще вести войну⁶.

После пятнадцатиминутного перерыва Кюльман начал новую согласованную атаку на русскую делегацию в обоснование аннексионистских притязаний держав Чет-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 65.

² См. там же.

³ Там же. С. 68.

⁴ См. там же. С. 70.

⁵ См. там же. С. 71.

⁶ См. там же.

верного союза. Исходя из того, что под защитой германских военных властей на оккупированных территориях местные буржуазные круги уже «самоопределились», и выдавая это за самоопределение народа, Кюльман стал говорить о невозможности в таких случаях выводить с этих земель войска, поскольку, мол, такие территории «не могут рассматриваться, как часть Российского государства»¹. Отвечая на такую постановку вопроса, Троцкий подчеркивал, что «воля народа может проявляться свободно только при условии предварительного очищения соответствующих территорий от чужих войск», при этом, говорил он, мы «исключаем возможность введения русских войск после удаления войск Германии и Австро-Венгрии»². Неприемлемыми были для нашей делегации и доводы австро-германского блока, будто на оккупированных ими землях уже созданы и функционируют «органы самоуправления». Троцкий по этому поводу говорил, что эти органы «опираются на очень узкий круг населения», «волеизъявление которого происходило в период пребывания чужеземных войск на данной территории»³.

Уже шел четвертый час заседания, дискуссия заходила в тупик, ни одна из сторон своих позиций не сдавала. Кюльман объявил перерыв на обед. Вечером политическая комиссия возобновила свою работу. Она продолжалась чуть более часа, и полемика шла прежде всего между Троцким и Кюльманом вокруг права любого народа на свободное и беспрепятственное волеизъявление. Каждая из сторон придерживалась своей точки зрения. В дискуссии Троцкий, в частности, сказал, что завтра мы ожидаем прибытия на конференцию наших специалистов по национальным вопросам, что мы не возражаем против приглашения на конференцию и представителей тех «органов», которые «созданы» на оккупированных Германией территориях, что мы при этом «защищаем не владения России — мы отстаиваем права отдельных народностей на свободное историческое существование», а в заключение высказался за перерыв, который необходим русской делегации для разговора со своим правительством⁴. Следующее заседание было назначено на 30 декабря (12 января 1918 года).

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 71, 72.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

⁴ См. там же. С. 82, 84, 85

Оно было пленарным и открылось под председательством Чернина, который начал заседание с того, что проинформировал присутствующих о ноте Рады от 11 (24) декабря за № 726 державам Четверного союза¹. В седьмом пункте ее сообщалось, что Рада будет самостоятельно выступать в международных делах, и теперь Чернин подчеркивал, что страны австро-германского блока признают ее делегацию полномочной представлять Украину, а наше формальное признание, сказал он, найдет выражение в мирном договоре². Троцкий вновь отвечал, что русская делегация не видит препятствий к самостоятельному выступлению Рады на данной конференции³.

Это пленарное заседание было коротким, всего 30-минутным, но в конце его стали намечаться линии будущих словесных схваток между Троцким и Гофманом. Последний уже здесь выступил с обвинением нас в том, что, как он заявил, русская пропаганда «добивается не длительного мира, а желает разжечь революцию и гражданскую войну» в Германии⁴. Обстановка продолжала накаляться и во второй половине этого дня, когда под председательством Кюльмана собралась на заседание политическая комиссия в составе русской, германской, австро-венгерской и украинской делегации⁵. Взявший слово Чернин поднял вопрос о комиссии по правовым и экономическим проблемам, на что последовало согласие Троцкого, который, однако, заметил, что наша делегация прибыла пока не в полном составе, так как мы полагали достичь договоренности о ведении переговоров в другом месте, и вот сейчас мы ожидаем приезда специалистов⁶.

Кюльман далее напомнил, что делегации Четверного союза высказались положительно за участие в работе мирной конференции «новых» государств, под которыми австро-германским блоком понимались прежде всего представители «органов», созданных на оккупированных ими территориях, и поинтересовался мнением нашей делегации на этот счет. От нас выступил Каменев со специальным заявлением, в котором предлагалось изменить

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 87.

² См. там же.

³ См. там же. С. 88.

⁴ См. там же. С. 89.

⁵ См. там же. С. 90.

⁶ См. там же. С. 90—91.

дальнейший ход работы в комиссиях¹. Напомнив об обнаружившихся в ходе дискуссий сторон разногласиях по вопросу об оккупированных территориях, Каменев предложил делегациям представить «в письменном виде резюме высказанных во время прений взглядов для того, чтобы правительства и общественные круги имели перед собой точную формулировку и могли дать себе ясный отчет как в принципиальных исходных позициях, так и в практических предложениях обеих сторон»². Все эти проблемы были названы Каменевым: общие политические предпосылки самоопределения нации, временный переходный режим, формы и способы выражения населением своей воли, голосование после вывода войск и возвращения беженцев и другие³. И, перечислив их, Каменев заявил: «В целях ускорения работ мирной конференции Русская делегация полагала бы чрезвычайно важным получить от Германской делегации вполне точный ответ по всем вопросам, поставленным в настоящем заявлении»⁴.

И тут взорвался генерал Гофман. «Я должен прежде всего,— начал он,— протестовать против тона этих заявлений. Русская делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории. Я хотел бы дальше указать, что Русская делегация требует признания права на самоопределение в такой форме и в таком объеме, в каковых ее Правительство не признает этого права в собственной стране»⁵. И Гофман при этом в качестве примеров назвал Белоруссию и Украину. «Поэтому,— заключил генерал,— Германское Верховное Командование считает нужным отклонить вмешательство в дела оккупированных областей»⁶.

После Гофмана выступил Кюльман, сказавший, что на предложение русской делегации трудно дать сразу

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 92—94; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 76—79.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 76; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 92.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 93—94.

⁴ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 94; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 79.

⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 94.

⁶ Там же. С. 95.

ответ, и он будет сделан позднее, но, продолжал он, ваш метод «обмена письменными текстами предложений не приведет к ускорению переговоров»¹. Далее он говорил, что «сегодняшнее заседание дает мало оснований надеяться на благополучный исход переговоров и смотреть оптимистически на их конечные результаты»². И, сославшись на то, что им необходимо обсудить со своими союзниками «создавшееся положение», Кюльман закрыл заседание³.

Что же происходило в этот день вне стен брест-литовской цитадели, где заседала мирная конференция?

30 декабря (12 января 1918 года) Ленин пишет проект постановления СНК об ответе Центральной Рады на предложение Советского правительства от 20 декабря об открытии с ней переговоров⁴. Вечером на заседании СНК вопрос о взаимоотношениях с Радой занимает большое место⁵. Подготовленный Лениным проект постановления всесторонне обсуждается, принимается и на следующий день публикуется в печати⁶. Постановление СНК свидетельствовало, что Рада по-прежнему следовала курсу поддержки враждебных Советской власти сил и сама занимала контрреволюционные позиции.

Много внимания в этот день Ленин уделяет мирным переговорам в Брест-Литовске. Он знакомится с рядом материалов конференции: с протестом генерала Гофмана по поводу распространения среди германских солдат революционных воззваний и нашим ответом на этот протест, меморандумом советской делегации, оглашенным на заседании конференции⁷. Ленин принимает руководителя американской миссии Красного Креста в России полковника Р. Робинса, представителя американского комитета общественной информации Э. Сиссона и журналиста А. Гомберга, передавших ему текст речи президен-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 96.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 160.

⁵ См. там же. С. 161—162.

⁶ См. там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 212; Декреты Октябрьской революции. С. 407—410.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 161; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 78.

та США В. Вильсона с его «14 пунктами» условий мира¹. Получив материал, Ленин телеграфирует Троцкому в Брест-Литовск: «Только что доставлена полковником Раймондом Робинсом речь президента Вильсона в конгрессе 26 декабря. Посылаю ее вам. Надеюсь, что будет использована должным образом»².

Ленин, большевики все чаще начинают заниматься вопросами организации новой армии. В последние минуты уходящего, 1917 года Ленин вместе с Н. К. Крупской пришел на вечер встречи Нового года, устроенный партийными, советскими властями и штабом Красной гвардии Выборгского района для районного актива и рабочих красногвардейцев Выборгской стороны, отправлявшихся на Юго-Западный фронт³. А вечером первого дня нового, 1918 года Ленин вместе с М. И. Ульяновой, Ф. Платтенем и Н. И. Подвойским едет в Михайловский манеж, чтобы проводить на фронт первый отряд новой, социалистической армии⁴. По дороге Подвойский рассказывает Ленину о заседании 30 декабря 1917 года Петросовета, который принял резолюцию о необходимости создать «мощную, крепко спаянную социалистическую армию» для того, чтобы защитить русскую революцию от всяких нападков, откуда бы они ни исходили⁵. Но когда Подвойский предлагает выпустить от имени Совнаркома манифест о создании новой армии, Владимир Ильич отклоняет это предложение, как и ранее высказанное аналогичное, считая его преждевременным⁶. Возникает резонный вопрос: почему? Ведь уже известна резко аннексионистская позиция Германии, антисоветский курс стран Антанты, да и внутри страны гражданская война разгоралась все сильнее, и чаша весов в целом, с учетом внутренних и внешних факторов, находилась в постоянном колебании.

Надо полагать, что Владимир Ильич Ленин, как, впрочем, и большинство руководства нашей партии, в это

---

¹ См.: *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 77; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 161.

² Там же; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 22.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 164.

⁴ См. там же. С. 170.

⁵ См. там же; Правда. 1918. 13 января (1917. 31 декабря).

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 170.

время пока еще питали надежду на революционную поддержку западноевропейского пролетариата, прежде всего германского. Не исключал, по-видимому, Ленин в эти дни и обострения военного противоборства между державами Антанты и странами Четверного союза. Словом, речь шла лишь о точном определении момента, когда надо было сделать этот шаг в официальном порядке и в общегосударственном масштабе. Тем более что росло число сторонников и ведения революционной войны против аннексионистских притязаний империализма. Наконец, строительство новой, социалистической армии уже шло. И об этом свидетельствовал митинг, посвященный проводам на Западный фронт отряда такой армии. На него и ехал Ленин¹. Выступая на нем, Владимир Ильич, в частности, говорил: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть... Уже просыпаются народы, уже слышат горячий призыв нашей революции, и мы скоро не будем одиноки, в нашу армию вольются пролетарские силы других стран»². Обстановка заставляла Ленина думать о защите революции, об армии.

В Петроград прибыла делегация Советского правительства Украины, обосновавшегося в Харькове, в составе председателя ВУЦИК Е. Г. Медведева, народного секретаря по военным делам В. М. Шахрая и народного секретаря просвещения В. П. Затонского³. Они направлялись на мирную конференцию в Брест-Литовск. В беседе с ними 1 (14) января Ленин расспрашивает их о положении на Украине, о Центральной Раде, дает советы относительно позиции украинской советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. И совсем глубокой ночью, когда уже начался новый день, 2 (15) января, Ленин беседует с видным деятелем норвежского рабочего движения А. Эгед-Ниссеном о положении Советского государства, ходе переговоров о заключении мирного договора⁴. К этому времени Ленин уже знал самые последние ново-

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 170.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 216.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 168.

⁴ См. там же. С. 172.

сти из Брест-Литовска, где закончился очередной день переговоров¹.

О чем же там шел разговор 1 (14) января 1918 года? Снова собралась политическая комиссия в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций. Заседание под председательством, как всегда, Кюльмана открылось вечером. 31 декабря (13 января) встречи не было: делегации стран Четверного союза обсуждали, как было сказано Кюльманом при закрытии предыдущего заседания, «создавшееся положение». Затяжка переговоров и позиция русской делегации по вопросу об оккупированных территориях явно не устраивали страны австро-германского блока. Не устраивало их и более широкое информирование мировой общественности о ходе мирных переговоров, позициях сторон. Во всяком случае, Кюльман отвел предложение Троцкого о допуске прессы как стран — участниц конференции, так и нейтральных государств на заседания; с этим предложением Троцкий обратился 28 декабря (10 января) к председателю германской делегации².

Открывая заседание, Кюльман сказал, что делегации держав Четверного союза решили ответить на русские предложения устно, поскольку письменная форма, по их мнению, длительная³. Он сказал также, что Чернин приболел, и с ответом выступит фон Визнер. Последний начал с заявления о неприемлемости наших предложений, которые, как он говорил, не носят характера компромисса, а содержат требования. Визнер подчеркивал, что делегации австро-германского блока сделают попытку выяснить, есть ли какая-нибудь надежда на достижение компромисса, и тут же добавлял, что на оккупированных территориях волеизъявление населения, мол, уже выявлено. Другими словами, компромисс предлагалось «находить» на условиях, не приемлемых для русской делегации. Так, говоря, что Германия и Австро-Венгрия не имеют намерения присоединить к себе занятые ими наши территории, то есть принуждать их к принятию той или иной государственной формы, Визнер в то же время подчеркивал, что «они должны оставить за собою и за народами занятых областей право на заключение всякого рода договоров»⁴. Аналогичны были его рассуждения и

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 171—172.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 246.

³ См. там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 99.

о присутствии на этих территориях оккупационных войск, вывод которых «до окончания войны невозможен», хотя, как тут же добавлял выступавший, «можно стремиться к сведению количества войск,— поскольку это будет допускаться военными обстоятельствами,— до минимума, необходимого для поддержания порядка и технического аппарата страны»¹. Словом, нас призывали «взглянуть на дело» с точки зрения держав Четверного союза, указывая, что это «единственный путь, ведущий к мирному соглашению»². Взявший после Визнера слово Троцкий начал с того, что выразил протест в связи с искажением немецкой печатью советской точки зрения, высказанной на пленарном заседании 28 декабря (10 января). Он заявил также, что в разговоре по прямому проводу с Петроградом 31 декабря предложил по этому поводу правительству «пригласить европейское общественное мнение считаться только со стенографическими отчетами, которые наша официальная печать публикует без каких-либо изменений и сокращений»³. Троцкий заключил это свое выступление заявлением о неприемлемости для нас предложений делегаций австро-германского блока⁴.

Отвечая Троцкому, Кюльман говорил, что они и так сделали уступку, пойдя на гласность в переговорах, но, продолжал он, должны «оставить за собой право публиковать у себя в стране только то, что нам кажется необходимым»⁵. Каждая из делегаций продолжала настаивать на своем, и Кюльман через два часа закрыл заседание, назначив следующее на утро 2 (15) января⁶.

На следующий день политическая комиссия в составе тех же делегаций заседала дважды — до обеда и после обеда. Оба заседания были сравнительно короткими — по полтора часа. Выступали и полемизировали только двое — Кюльман и Троцкий. Ни к какому решению не приходили, надежды на договоренность по вопросам, связанным с оккупацией, присутствием чужих войск, возможностями в этих условиях действительного волеизъявления народа, не было. Обе стороны стояли на своем. В ходе утреннего заседания Кюльман сказал, что они ведут обмен мнениями с делегацией Центральной Рады⁷.

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ См. там же. С. 104.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 107.

⁷ См. там же.

Кстати, в этот день Троцкий обратился к Голубовичу с письмом о недопустимости ведения переговоров с делегациями Четверного союза за спиной русской делегации, о неблагоприятной в этой связи политике делегации Рады¹. В письме говорилось, что русская делегация снимает с себя ответственность за переговоры Рады и будет обращаться к ВУЦИК в Харьков с просьбой принять меры для ограждения интересов украинского народа². «И если мы не протестовали против Вашего участия в переговорах,— подчеркивалось в нем,— то исключительно в надежде на то, что перед лицом общего врага поведение Ваше будет построено на элементарных демократических принципах и не создаст почвы для конфликтов между Вами — с одной стороны, Харьковским ЦИК и нами — с другой»³. Ответ В. Голубовича был весьма грубоватым, и становилось ясно, что, несмотря на многочисленные беседы членов русской делегации с представителями делегации Рады, для них важнее всего была их «самостоятельность и независимость», причем было неважно, от кого они ее получают, от стран австро-германского блока или Антанты, и какой ценой.

Троцкий утром сделал попытку поднять вопрос о привлечении к мирным переговорам представителей тех территорий, которые оккупированы германскими войсками, но Кюльман тут же заявил: «Либо представители эти придут сюда как выразители воли данных народов, и тогда мы должны сойтись хотя бы на подразумеваемом признании возникновения этих государственных единиц, либо они придут сюда как частные лица, и тогда им тут делать нечего»⁴. Троцкий ставил вопрос о невозможности выявить действительную волю народа в условиях оккупации, и Кюльман тут же в свою очередь заявлял о невозможности «смягчить военные гарантии в какой бы то ни было степени до прекращения мировой войны»⁵.

Не изменилось положение и после обеда, разве только что стал проявлять нетерпение генерал Гофман. Троцкий поинтересовался было, как быть с беженцами и выселенцами из оккупированных территорий, которые также имеют право голоса, но Кюльман, сославшись на не-

---

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 280.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 248.

³ Там же. С. 249.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же. С. 115.

знание этого вопроса, спросил Троцкого, не поможет ли тот. Последний обещал на следующий день представить данные об этих людях, которых, как сказал Троцкий, насчитывается сотни тысяч¹. И Кюльман тут же поспешил отложить обсуждение этого вопроса, напомнив, что болел Чернин, который выразил желание присутствовать на следующем заседании, и, чтобы дать ему эту возможность, Кюльман обещал о времени следующей встречи сообщить позже. Заседания этого дня закрылись, но перерыв затянулся более чем на двое суток.

Ленин внимательно следил за ходом переговоров, неоднократно связывался по прямому проводу с Троцким². Особенно интенсивно проходили переговоры между Петроградом и Брест-Литовском 1 и в ночь с 1 на 2 января³. Это, думается, было вызвано прежде всего тем, что и наша делегация во главе с Троцким в Брест-Литовске, и руководство партии во главе с Лениным в Петрограде отдавали себе отчет в том, что работа мирной конференции заходит или уже зашла в тупик, что немцы вряд ли дадут нам возможность «тянуть» дальше переговоры. А то, что мы стараемся выиграть время, они, надо полагать, прекрасно понимали. Наверное, тогда-то и зарождается у Троцкого план действия, который известен в виде формулы «ни мира, ни войны». Таким путем Троцкий предполагал затянуть еще переговоры, и он послал Ленину, видимо по этому поводу, письмо с нарочным⁴.

3 (16) января после 16 часов 20 минут Ленин имеет первый разговор по прямому проводу с Брест-Литовском, с Троцким⁵. Начинает разговор Троцкий, который спрашивает Ленина, получил ли тот посланное ему письмо через латыша-солдата⁶. Троцкий говорит, что на него необходим немедленный ответ, который должен выражаться словами «согласны» или «не согласны». Ясно, что он не хотел «доверять» телеграфной ленте содержание письма. И Ленин это понял. Он отвечает, что только сейчас получил «особое письмо» Троцкого, что «Сталина

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 122.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 157, 158, 159, 161.

³ См. там же. С. 169, 171, 172.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

⁵ См. там же; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 175; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 85; Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. М., 1936. С. 11—12.

⁶ См. там же. С. 11.

нет, и ему не мог еще показать»¹. Далее Владимир Ильич говорит о своем отношении к содержанию послания и одновременно высказывает нечто вроде плана дальнейших действий в связи с предложением Троцкого, содержащимся в письме. «Ваш план мне представляется diskutabelным,— отвечает Ленин.— Нельзя ли только отложить несколько его окончательное проведение, приняв последнее решение после специального заседания ЦИК здесь?»² И в заключение этого сюжета Ленин вновь повторяет, что, как только вернется Сталин, он покажет письмо Троцкого и ему. Следует ответ Троцкого, который гласит, что делегация постарается провести решение «как можно позже, дожидаясь сообщений» из Петрограда³. Речь, очевидно, Троцкий ведет о проведении в жизнь плана действий, изложенного в посланном Ленину письме. Вместе с тем Троцкий просит поторопиться, видимо, с принятием решения относительно его предложения, так как Рада «ведет явно изменническую политику»⁴. Высказывает он свое мнение и относительно «специального заседания ЦИК», о котором упомянул Ленин. «Обсуждение плана в ЦИК представляется мне неудобным,— продолжает отвечать Троцкий,— так как может вызвать реакцию до проведения плана»⁵. Вероятно, в связи с последним, Ленин передает: «Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос»⁶. И далее заключает свой ответ сообщением для Троцкого: «Сегодня выезжает к Вам делегация харьковского украинского ЦИК, которая уверила меня, что киевская Рада дышит на ладан»⁷.

Поздно вечером этого же дня (в 22 часа 50 минут) Ленин вновь связывается с Брест-Литовском по прямому проводу и передает, что приехал Сталин, что с ним он «обсудит запрос делегации» и они дадут «совместный ответ»⁸. Более получаса Ленин и Сталин «взвешивают» свой ответ, который за двумя их подписями в 23 часа 30 минут сообщается по прямому проводу в Брест-Ли-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

² Там же.

³ См.: Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. С. 11—12.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

⁷ Там же.

⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 176; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

товск: «Передайте Троцкому. Просьба назначить перерыв и выехать в Питер»¹.

Только утром 5 (18) января Кюльман открыл заседание политической комиссии при участии делегаций России, Германии и Австро-Венгрии². Оно продолжалось немногим более часа³. По всему было видно: что-то назревает. Не случайно же стороны более двух суток не заседали. Кюльман, сославшись на то, что он простудился и ему будет трудно говорить, вел заседание, соблюдая лишь внешнюю формальность. Он довольно поспешно «пробежал» по различиям в оценках сторонами ряда серьезных проблем, словно торопился к какому-то определенному и заранее спланированному рубежу, с которого должен был последовать «решающий ход» австро-германского блока. Кюльман отвел доводы Троцкого о беженцах, говоря, что этим пусть займется комиссия по военным и гражданским пленным, он отказался обсуждать вопрос о референдуме, который, по мнению австро-германской стороны, является якобы «неподходящей формой для волеизъявления народа», заявил, что поскольку решение вопроса о референдуме зависит от Германии, то, как подчеркнул Кюльман, «мы не хотим, чтобы эти народы, пережившие ужасы войны, пережили бы еще и блага революции», а потому и нет никакого смысла возвращаться к этой проблеме⁴. И когда наконец Кюльман подошел к вопросу об оккупированных территориях, которым, по мнению русской делегации, необходимо было предоставить возможность самоопределиваться, создав для этого условия, он обратился к генералу Гофману и попросил его «с картою в руках» высказать «вкратце» точку зрения Германии и Австрии по этой проблеме⁵.

Гофман начал с объяснения того, что территории, обозначенные на карте синей линией и расположенные к северу от Бреста до Балтийского моря, «не должны быть очищены» от германских войск «до конца демобилизации Русской Армии». Что касается областей, расположенных к югу от Бреста, он сказал, что относительно их сейчас идут переговоры с представителями украинской деле-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 225.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 123.

³ См. там же. С. 130.

⁴ См. там же. С. 124, 125.

⁵ См. там же. С. 126.

гации, которые еще не закончены¹. «Я оставляю карту на столе,— заключил Гофман,— и прошу гг. присутствующих с ней ознакомиться»². Выслушав Гофмана, Троцкий просил дать разъяснение, какими принципами руководствовалась другая сторона при проведении на карте линии севернее Бреста, и сказал одновременно, что относительно Украины в каждом отдельном случае необходимо иметь соглашение между русской и украинской делегациями. Присутствие германских войск, судя по ответу Гофмана, было решающим при определении территорий, отмеченных на карте синей линией. В таком случае нам необходим перерыв, заявил Троцкий, «для ознакомления Русской делегации с этой столь ярко обозначенной на карте линией»³.

Не возражая в принципе против перерыва, Кюльман стал выяснять некоторые территориальные и политические вопросы. Его интересовало, контролирует ли Петроград русскую армию на Кавказском фронте, на что Троцкий дал ему положительный ответ. Кюльман проявил повышенный интерес к Аландским островам, вопрошая, может ли Финляндия, независимость которой признана Россией, самостоятельно выступать по вопросам этих островов, согласна ли Россия подписать договор об их нейтрализации, или эту проблему следует рассматривать как международную? «Вопрос об Аландских островах получает новое освещение в связи с линией, обозначенной на карте,— отвечал Троцкий.— Так как высказаться по поводу этой линии придется не только нам, но и всему миру, то мы оставляем за собой право ответить на все эти вопросы в общей связи»⁴.

В свою очередь Чернин спрашивал, с украинской или русской делегацией должна вести переговоры делегация Австро-Венгрии по территориальным вопросам, и вновь с нашей стороны было сказано, что эти проблемы должны согласовываться между представителями России и Украины, равно как они будут зависеть и от процесса самоопределения, развивающегося на украинской земле.

Под конец этого заседания Кюльман стал настаивать на том, чтобы русская делегация хотя бы приблизительно сказала, когда она даст ответ на сообщение делегаций австро-германского блока по территориальным воп-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 126.

² Там же.

³ Там же. С. 127.

⁴ Там же. С. 128.

росам, и Троцкий обещал это сделать 5 (18) или 6 (19) января. На этом Кюльман и закрыл заседание, указав, что следующее состоится тогда, когда русская делегация готова будет дать свой ответ.

Вечером того же дня Кюльман продолжил прерванное утром заседание политической комиссии в том же составе. Слово для ответа было предоставлено Троцкому, который заявил, что «предъявленные в сегодняшнем утреннем заседании территориальные притязания Германской и Австро-Венгерской делегаций завершают в известном смысле основные политические переговоры»¹. Он говорил о том, что от нас хотят «отрезать» более 150 тысяч квадратных верст, что в этих районах сохраняется режим военной оккупации, что Германия и Австрия не только не хотят вести какой-либо разговор о сроках вывода своей армии с этих территорий, «но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск»². Равно не идет и речи о каком-либо волеизъявлении народа этих территорий.

В свете изложенного Троцкий предложил сделать перерыв в работе мирной конференции, «дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира»³. Говоря о перерыве, он сразу же указал и возможный срок очередного заседания — 29 января (16 января ст. ст.)⁴. Троцкий сказал также, что он в связи с лежащими на нем политическими обязанностями выезжает в Петроград и полномочия главы русской делегации на время его отсутствия переходят к Иоффе.

Взявший слово Кюльман не согласился с толкованием Троцким вопросов, связанных с оккупированными территориями, и заявил, что Германии и Австрии их «придется обсуждать уже с этими государствами», а не с Россией. «Мы намерены, в полном согласии с этими народами, способствовать быстрому развитию уже существующих у них органов самоуправления и внутреннему

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 130.

² Там же.

³ Там же. С. 131.

⁴ См. там же.

порядку, и, таким образом,— говорил далее Кюльман,— довести эти народы до полного расцвета их национальной и экономической мощи»¹. Соглашаясь с нашим предложением о перерыве в работе конференции и подчеркивая, что делегациям Четверного союза «было бы приятнее довести переговоры до конца в один прием», Кюльман выразил надежду, что Троцкий вернется в Брест-Литовск к указанному им сроку, что в его отсутствие удастся подготовить и разработать, дабы не терять время, нерешенные вопросы, и таким образом, говорил Кюльман, «вся работа будет подготовлена настолько, что нам останется только подписать договор»².

Назначив следующее заседание на 29 (16) января в 11 часов утра, как он сказал, «здесь же, в Казино № 3», Кюльман в 18 часов 30 минут закрыл очередную встречу; она продолжалась всего 41 минуту, хотя по своему значению была одной из решающих³. Заседания правовой и экономической комиссий решено было продолжать⁴. На следующий день, 6 (19) января, Троцкий выехал в Петроград⁵.

Вернемся в Петроград и мы. Ленин беседует в эти дни с Г. В. Чичериным в связи с предполагаемым выдвижением последнего на пост помощника Троцкого; декрет о назначении Г. В. Чичерина-Орнатского на эту должность был подписан чуть позднее (8 января), когда Троцкий уже вернулся из Брест-Литовска в Петроград⁶. 6 (19) января Ленин имел беседу с главковерхом Крыленко о положении на фронте, интересовался его мнением по поводу предъявленных нам германских условий мира⁷. Относительно последнего Крыленко сказал, что он категорически стоит «за принятие безусловно немецких условий и заключение мира»; на это Ленин ответил, что думает так же⁸. Приблизительно в это же время Ленин принимает болгарского социал-демократа Р. П. Ав-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 132.

² Там же. С. 133.

³ См. там же. С. 134.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 280.

⁵ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 251.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 178, 191; Правда. 1918. 24 января (11 января); Известия ЦИК. 1918. 14 января.

⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 184.

⁸ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 261.

рамова и в ходе более чем двухчасового разговора расспрашивает о положении в Германии, о его встречах и беседах с левыми немецкими социал-демократами Л. Иогихесом (Тышкой), Ф. Мерингом, Э. Фуксом¹. Ленин не случайно интересовался положением в Германии: в эти дни в Берлине и Вене, а также в Варшаве проходили политические стачки под лозунгами прекращения войны и демократического мира².

Советские органы печати, газеты других политических направлений начали широко комментировать германские условия мира, подчеркивая их грабительский и совершенно неприемлемый для нашей страны характер. Споры разворачивались вокруг вопросов: где выход из создавшегося положения, можем или не можем мы вести революционную войну, при каких условиях возможен мир? Немаловажное значение при аргументации той или иной точки зрения имела, конечно, обстановка на международной арене, прежде всего позиция рабочих масс в странах австро-германского блока, в которых как раз в это время начинало нарастать забастовочное движение.

7 (20) января 1918 года на заседании Совнаркома обсуждался доклад нашей делегации о мирных переговорах в Брест-Литовске, рассматривались политические и экономические вопросы этих переговоров, при этом СНК создал специальную комиссию, которой было поручено в спешном порядке «обсудить и наметить основные положения будущего экономического договора с Германией»³. Ленин в это время уже знал о заявлении Московского областного бюро в ЦК РСДРП с предложением созвать совещание для обсуждения вопросов, связанных с брест-литовскими мирными переговорами⁴.

Этот документ, который датирован январем и на котором значатся фамилии члена Московского областного бюро А. Ломова, Стукова, члена президиума Совета народного хозяйства В. Смирнова, Ольминского, Барышникова, члена исполкома Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов М. Васильева,

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 185; *Труш М. И.* Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 87.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 280.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 188; *Чубарьян А. О.* Брестский мир. С. 129.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 287.

В. Яковлевой, М. Савельева, Сапронова, Логачева, И. Фокина и А. Аросева, гласил: «Считая, что целый ряд новых фактов в области международных отношений, а также и весь ход мирных переговоров настоятельно требуют пересмотра направления нашей международной политики, мы от имени областного бюро Московского промышленного района РСДРП и от группы товарищей предлагаем ЦК РСДРП созвать на (20) 7-е января совместное заседание ЦК с работниками с мест для обсуждения вопроса о международном политическом положении в связи с тактикой пролетарской партии»¹.

В партии уже отчетливо выкристаллизовывались различные мнения по вопросу о внешнеполитической стратегии и тактики в связи с брест-литовскими переговорами. И предъявление нам австро-германским блоком грабительских условий мира поставило эти точки зрения в повестку дня.

Перед заседанием Совнаркома 7 января Ленин набрасывает пока только план тезисов о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира, а уже после заседания правительства пишет свои знаменитые «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира»². Эти «Тезисы» он подготовил к совещанию партийных работников, которое предлагалось созвать в заявлении Московского областного бюро в ЦК РСДРП.

О чем в них шла речь?

Ленин начинал их с подчеркивания того несомненного факта, что «почти все рабочие и громадное большинство крестьян» — на стороне Советской власти, и в этом смысле «успех социалистической революции в России обеспечен».

Одновременно он указывал, что гражданская война у нас «еще не достигла своего высшего пункта», что хотя наша победа в этой войне и обеспечена, но пройдет некоторое время, «пока сопротивление буржуазии будет подавлено».

И далее Ленин писал, что серьезную опасность для нас представляют и другие формы сопротивления, кото-

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918 г. С. 287.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 185, 188; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 489—491; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243—252; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 66.

рые хотя менее активные и носят невоенный характер (саботаж, подкуп, втирающиеся в наши ряды попутчики и т. д. и т. п.), но без победы над которыми, а это также требует известного времени, «успех социалистической революции невозможен».

«Довольно продолжительное время» требуется для решения великих и трудных организационных задач социалистического преобразования в России, подчеркивал также Ленин, принимая при этом во внимание массы «мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата», который сам имеет невысокий культурный уровень.

И здесь Ленин, подытоживая внутренние задачи нашего развития, делает вывод о том, что «из них совершенно определено вытекает необходимость, для успеха социализма в России, известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налаживания широкой и глубокой массовой организационной работы».

Переходя далее к определению международных задач Советской власти, которые должны основываться на положении дел внутри страны, Ленин указывает, что «было бы ошибкой» построить нашу тактику «на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода... или не наступит», что «вероятный момент взрыва революции... совершенно не поддается учету», что пытаться строить свою политику вокруг этого — значит свести дело «к слепой азартной игре».

Брест-литовские мирные переговоры, продолжает Ленин, подошли к такому рубежу, когда нам предъявили или вот-вот предъявят и формально ультиматум: «либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир», то есть мир на предъявленных нам германских условиях.

И от нас поэтому требуется неотложно решить вопрос: «принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну». Средние решения, писал Ленин, невозможны, как неосуществимы более «никакие дельнейшие отсрочки», поскольку «для искусственного затягивания переговоров мы уже сделали все возможное и невозможное».

Полемизируя с теми, кто выступает «за немедленную революционную войну», поскольку, дескать, сепаратный

мир является сделкой с немецкими империалистами, «полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма». Ленин подчеркивает, что «если в данный момент нет сил для продолжения войны», то нет «ни малейшей измены социализму» в том, что мы заключаем невыгодный для себя и выгодный для германских империалистов мир.

Неверным, пишет Ленин, является и другой довод сторонников немедленной революционной войны, заявляющих, будто, «заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма», материально помогаем ему вести войну. Ленин указывает, что «революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы». Вырваться из этого «противоречия» полностью нельзя, говорит Ленин, «не свергнув всемирного империализма», а отсюда следует вывод, что после победы революции в одной из стран «надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась». Вполне понятно, что и мы в своей тактике должны думать, как надежнее нашей революции «укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны».

Говорят, что «немецкие противники войны... просят нас не уступать германскому империализму», переходит Ленин к разбору следующего довода тех, кто выступает против сепаратного мира. Если бы, пишет Ленин, нам предлагали «оттянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос мог бы встать для нас иначе». А нам ведь предлагают держаться, но решать вопрос сообразно положению дел «в русской социалистической революции», не обещая «ничего позитивного... насчет немецкой».

Неверным считает Ленин и утверждение, будто мы в ряде партийных документов «обещали» вести революционную войну, и поэтому, мол, сепаратный мир — измена «нашему слову». Мы заявляли о необходимости «подготовлять и вести» революционную войну, мы и сейчас ее «должны готовить», но, подчеркивает Ленин, «мы не брали на себя обязательства начинать революционной войны без учета того, насколько возможно вести ее в тот

или иной момент», и поэтому вопрос о немедленном ведении сейчас такой войны «следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась».

Давая итоговую оценку доводов за немедленную революционную войну, Ленин говорит, что такая политика, возможно, была бы красивой, эффектной и яркой, но она совершенно не считалась бы «с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции».

И он объясняет почему. Наша армия в данный момент по всем параметрам «абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление».

Крестьянское большинство нашей армии «в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну», вести которую «при полной демократизации армии... было бы авантюрой». Что же касается новой, социалистической армии, то ее создание только начинается, и на это нужны «месяцы и месяцы».

Беднейшее крестьянство России «в состоянии поддержать социалистическую революцию», но сейчас оно не пойдет «на серьезную революционную войну», и этот расклад классовых сил «было бы роковой ошибкой игнорировать».

И Ленин останавливается далее на двух возможных вариантах развития событий в случае ведения революционной войны. «Если бы германская революция вспыхнула» и в ближайшие 3—4 месяца победила, то, возможно, «тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции». Ну а если в ближайшие месяцы этой революции в Германии не будет, то за продолжением нами войны последуют поражения, и Россию заставят «заклучить еще более невыгодный сепаратный мир», который может даже быть подписан не нами, а другим правительством, ибо истомленная войной крестьянская армия «после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство».

Поэтому, вновь решительно подчеркивает Ленин, недопустимо ставить на карту судьбу нашей революции из-за того, начнется или нет в ближайшие недели германская революция, и «такая тактика была бы авантюрой», так рисковать «мы не имеем права».

Здесь же Ленин выражает уверенность в том, что сепаратный мир не затормозит революции в Германии, ибо положение там остается тяжелым, война со странами Антанты затягивается, империализм с обеих сторон разоблачен, а пример нашей страны, добившейся мира, будет революционизировать трудящиеся массы.

Что же мог дать нам немедленный сепаратный мир даже на германских условиях? Ленин пишет, что мы освобождаемся в данный момент в наибольшей степени от обеих враждующих групп империалистов и, используя их вражду и войну, «затрудняющую им сделку против нас», получаем на известное время свободу рук «для продолжения и закрепления социалистической революции», что позволит нам создать прочную экономическую базу для новой, Красной Армии.

В заключительном, 21-м тезисе всего материала, подготовленного Лениным 7 января, он выясняет вопрос, что такое революционная война «в настоящий момент», выясняет четко, ясно, без каких-либо уверток и прикрас. Это, пишет Владимир Ильич, «война социалистической республики против буржуазных стран с ясно поставленной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах». Реально ли это? По мнению Ленина, сейчас нет. И он подчеркивает, что «этой цели в данный момент мы себе заведомо не можем еще поставить». Продолжая войну сейчас, мы «объективно» воевали бы из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии, «но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение». Мы уже сделали много для осуществления этого права Финляндией, Украиной и другими, мы продолжаем работу в этом направлении, «но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше». Надо было обладать политическим и теоретическим авторитетом Ленина, чтобы в условиях безудержного распространения революционных лозунгов, накала революционной фразы так выпукло и реалистически ставить вопрос.

Через две недели Ленин допишет к этим тезисам еще один, 22-й, и мы тогда и будем говорить о нем¹.

8 (21) января состоялось совещание ЦК РСДРП (б) с видными партийными работниками Петрограда, Москвы, Урала, Поволжья, прибывшими в качестве делегатов на III съезд Советов, который открывался 10 (23) января². Обсуждался один вопрос: о международном положении нашей страны в связи с кризисом в брест-литовских переговорах. На этом совещании Ленин оглашает свои «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира», записывает основные положения из выступлений товарищей, делает заключительное слово. Протокол совещания не сохранился, но по записям Ленина на обороте его «Тезисов» видно, что с возражениями против них выступали Осинский (Оболенский), Троцкий, Ломов (Оппоков), Преображенский, Каменев, Яковлева³. На совещании четко обозначились три точки зрения. В результате голосования 15 человек высказалось за предложение Ленина о заключении сепаратного аннексионистского мира, 32 — за ведение революционной войны и 16 — за формулу Троцкого: объявить войну прекращенной, но мира не подписывать, армию демобилизовать⁴.

Вскоре после этого Ленин сделает концовку к 21-му своему тезису, которую он на совещании изложил устно, а также напишет послесловие ко всем «Тезисам»⁵. В это время еще не употреблялся термин «левые коммунисты», и сам Ленин пишет, что точку зрения сторонников за революционную войну, а их было большинство на этом совещании, «иногда называли «московской», ибо ее раньше других организаций приняло Московское областное бюро нашей партии»⁶. Объясняя объективную причину данного понимания развития событий многими

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251—252.

² См. там же. С. 478; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 191; Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 201—202.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 478; Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. С. 17.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 255.

⁵ См. там же. С. 253—254, 478; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. С. 88.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 253; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 287—288.

видными товарищами, Ленин писал, что «большинство партийных работников, исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, даст увлечь себя «ярким» лозунгом, не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий, требующего быстрого, крутого изменения тактики»¹. И как бы «угадывая», что именно с этим объективно неизбежным «большинством» в самые ближайшие дни и недели придется вести ожесточенные идеологические схватки вокруг, по сути дела, вопроса о том, быть или не быть социалистическому отечеству, Ленин в предельно сжатой, чеканной формулировке определяет суть необходимого для нового, социалистического государства курса на обозримую перспективу, раскрывая в то же время последствия тактики сторонников революционной войны. Он пишет, что «марксизм требует учета объективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям, что коренная перемена состоит теперь в создании республики Советов России, что выше всего и для нас и с международно-социалистической точки зрения сохранение этой республики, уже начавшей социалистическую революцию, что в данный момент лозунг революционной войны со стороны России означал бы либо фразу и голую демонстрацию, либо равнялся бы объективно падению в ловушку, расставляемую нам империалистами, которые желают втянуть нас в продолжение империалистской войны, как слабую пока еще частичку, и разгромить возможно более дешевым путем молодую республику Советов»².

На совещании 8 января не решался вопрос о мире, ибо это собрание не могло выносить обязывающих постановлений. Оно было созвано с целью ориентировки, выявления настроений среди руководящих деятелей партии, их взглядов и оценок брест-литовских мирных переговоров, внешнеполитического курса Советской России. Надо сказать, что после уже упомянутой нами резолюции пленума Московского областного бюро РСДРП(б) от 28 декабря 1917 года по вопросу о мире и мирных переговорах в партийные и рабочие организации стали проникать настроения «шапкозакидательства». Это было неизбежным следствием того, что предложенные нам

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 253.

² Там же. С. 253—254.

германским империализмом и его военной кликой грабительские условия мира вызывали возмущение широких масс в партии, среди трудящихся. Это было естественным чувством ненависти к германскому империализму, который, пользуясь слабостью разоренной войной страны, усталостью ее измученного народа, развалом старой армии, стремился еще более ухудшить наше положение, по сути дела, глумился над нами.

8 января Ленин оказался в меньшинстве, он не преодолел необоснованный оптимизм тех, кто считал, что немцы не смогут наступать, что они смогут наступать только, как говорил, например, Троцкий, на 25 процентов, что следует отвергнуть «похабный» мир и объявить революционную войну германскому империализму¹. А ведь на совещании были представители крупнейших партийных организаций страны — Петрограда, Москвы, Украины, Урала, Сибири. Вспоминая об этом собрании, Н. К. Крупская писала: «Ильич кончал заключительное слово, на него устремлены были враждебные взгляды товарищей. Ильич излагал свою точку зрения, явно потеряв всякую надежду убедить присутствующих... Ничему не был бы так рад Ильич, как если бы оказалось, что наша армия может наступать, или если бы оказалось, что в Германии вспыхнула революция, которая положила бы конец войне; он был бы рад, если бы оказалось, что он неправ. Но чем оптимистичнее были товарищи, тем настороженнее был Ильич»².

8 (21) января в Брест-Литовск прибыли представители Украинской рабоче-крестьянской республики в составе председателя ВУЦИК Е. Г. Медведева и народного секретаря по военным вопросам В. М. Шахрая; Затонский остался в Петрограде³. В день их прибытия Иоффе довел до сведения председателя германской делегации, что Медведев и Шахрай включаются в состав русской делегации⁴. Последние же в момент прибытия поставили Иоффе в известность, что будут действовать в полном согласии с русской делегацией, а принятые Центральной Радой какие-либо обязательства признаваться властью

¹ См.: *Никольников Г. Л.* Победа ленинской стратегии и тактики по вопросам войны, мира и революции. С. 140; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 67.

² *Крупская Н. К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 362.

³ См.: *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б).* Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281; *Известия ЦИК.* 1918. 11 января.

⁴ См.: *Документы внешней политики СССР.* Т. 1. С. 87—88.

Советской Украины, которую они здесь представляют, не будут¹.

На следующий день, 9 (22) января, Медведев и Шахрай сообщали из Брест-Литовска, что они прибыли во время перерыва в переговорах, что 7 (20) января заседали только экономическая и правовая комиссии². Особо Медведев и Шахрай останавливались на поведении делегации Центральной Рады, которая полностью порвала с русской делегацией. Немцы заигрывают с представителями Рады, и у последних вскружилась голова, подчеркивали Медведев и Шахрай. 8 января вечером делегация Рады выехала в Киев. Никаких протоколов ее переговоров с немцами и австрийцами нет, и узнать что-либо можно лишь по украинским газетам. Медведев и Шахрай излагали одну из таких корреспонденций, в которой сообщалось, что вследствие нездоровья графа Чернина переговоры австрийцев с украинской делегацией проходят на частной квартире, что в них принимает участие и германская делегация, что стороны в принципе договорились относительно будущих политических отношений между своими странами, что в ближайшее время они подвергнут обсуждению также и экономические вопросы³.

10 (23) января вечером начал свою работу III Всероссийский съезд Советов, на первом заседании которого Ленин не присутствовал. 11 (24) января Ленин подписывает удостоверение В. С. Теряну, члену коллегии Комиссариата по армянским делам, которого СНК уполномочил войти в качестве консультанта в состав советской мирной делегации, ведущей в Брест-Литовске мирные переговоры⁴. Из Вены сообщали, что там в парламенте выступил В. Адлер, выдвинувший требование об участии в брест-литовских переговорах подлинных представителей народов Австро-Венгрии⁵. Австрийские и немецкие телеграфные агентства трубили о предстоящем мире с Украиной, подчеркивая, что это даст державам австро-германского блока хлеб, а также вынудит «рабочее правительство России... заключить мир при всяких условиях»; об этом писал и Радек из Брест-Литовска⁶.

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 88—89.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 11 января.

³ См. там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 196; Труш М. И. Международная деятельность В. И. Ленина. Год Великого Октября. С. 89.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1918. 12 января.

Карахан 11 января передавал из Брест-Литовска, что там в этот день дважды заседала комиссия по правовым вопросам, выступая на которой Иоффе подчеркивал стремление другой стороны получить от нас контрибуцию в несколько миллиардов рублей под видом возмещения убытков¹. «Мы отказываемся понимать, почему купцу, у которого секвестрировано его предприятие, необходимо платить полностью за все понесенные им убытки,— говорил Иоффе,— а крестьянину, у которого уведена последняя его лошадка, не следует платить ничего»². И Иоффе пояснял справедливость именно такой постановки вопроса. «Хотя в германском проекте все предложения построены на принципе взаимности,— подчеркивал он,— но ввиду того, что германский капитал в России был гораздо более заинтересован, нежели русский в Германии, требование возмещения убытков капиталистам всею своей тяжестью ляжет только на Россию»³. Поэтому мы полагаем, указывал Иоффе, что возмещать убытки надо как богатым, так и бедным.

Иоффе в этот день обратился также с телеграммой к графу Чернину разрешить ему в качестве главы русской делегации поехать на несколько дней в Вену для информации венского пролетариата и его руководителей о ходе мирных переговоров, поскольку на последних объявлен перерыв и нет необходимости в присутствии всех членов делегации; через два дня, 13 (26) января, поступил отказ правительства Австро-Венгрии выдать разрешение Иоффе на въезд в Вену⁴.

Но главным событием этого дня стало, конечно, заседание ЦК партии. 11 (24) января на нем присутствовали: Ломов (Оппоков), Крестинский, Муранов, Урицкий, Дзержинский, Сергеев (Артем), Свердлов, Троцкий, Ленин, Сталин, Бухарин, Сокольников, Бубнов, Коллонтай, Зиновьев, Стасова — всего 16 человек⁵. Довольно быстро был решен вопрос о допуске на заседание представителя Петербургского комитета партии С. В. Косиора с совещательным голосом, чтобы изложить точку зрения ПК по вопросу о предъявленных нам в Брест-Литовске

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 13 (26) января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же; Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281.

⁵ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 199.

условиях мира¹. Быстро был решен и «профсоюзный» вопрос. Третьим в повестке дня стоял вопрос о мире. Первым взял слово Ленин². Сообщив о трех точках зрения, которые наметились по этому вопросу на собрании 8 (21) января, Ленин предложил товарищам определить характер работы: обсуждать ли изложенные им тезисы или открыть общую дискуссию? Принимается последнее, и Ленину предоставляется слово.

Владимир Ильич обрисовал тяжелое положение страны и состояние армии, которые вынуждают нас идти на грабительский мир. «Продолжая в таких условиях войну,— подчеркивал Ленин,— мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас,— мир похабный, но если начнется другая война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим правительством. Сейчас мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны». Возражая сторонникам революционной войны, считающим, что этим шагом «мы пробудим в Германии революцию», Ленин заявлял, что «Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну». Ленин говорил и о том, что в рядах германской социал-демократии бытуют искаженные представления о политике большевиков в Брест-Литовске, которых обвиняют в том, что они подкуплены, затягивают войну, помогают немецким империалистам. Высказался Ленин и относительно предложения Троцкого, подчеркнув, что «прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии — это интернациональная политическая демонстрация». Ленин говорил, что, «подписывая мир, мы, конечно, предаем самоопределившуюся Польшу, но мы сохраняем социалистическую Эстляндскую республику» и в целом «даем возможность окрепнуть нашим завоеваниям». И далее Ленин, смотря правде в глаза, подчеркивал: «Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 199, 207.

² См. там же. С. 200—202, 207—208; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 255—258, 479.

сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибуции не слишком дорогая цена».

После Ленина выступил Бухарин¹. Он расценил позицию Троцкого как самую правильную, усмотрев одновременно противоречия в позиции Ленина. Бухарин говорил, что «нам необходимо рассматривать социалистическую республику с точки зрения интернационализма», что «напрасно» Ленин расценил позицию Троцкого как политическую демонстрацию. «Пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том,— заявлял Бухарин,— как это отразится на международном движении. ...Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения». И в заключение он высказался за то, что «необходимо по возможности дело затягивать и не подписывать похабного мира, так как этим мы будоражим западноевропейские массы».

По мнению Урицкого, ошибкой Ленина являлось то, что он «смотрит на дело с точки зрения России, а не с точки зрения международной»². Урицкий полностью поддержал позицию Троцкого и заявил: «Что касается политической демонстрации, то вся политика народного комиссариата иностранных дел была не чем иным, как политическая демонстрация. Совершенно так же будет понята и наша политика немецкими солдатами при отказе от подписания мира, прекращения войны и демобилизации армии».

Выступивший Троцкий обосновывал свою позицию. Он говорил, что «вопрос о революционной войне является нереальным», высказывался за то, что приемлемой может стать «новая оттяжка в переговорах», имея в виду соображение Стучки насчет того, чтобы предложить немцам третейский суд, и если немцы откажутся, то мы «прерываем переговоры, но заявляем, что воевать не будем»³.

Несогласие с Лениным высказал и Оппоков (Ломов), по мнению которого отсрочка ничего не дала бы нам «по

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 202, 208.

² Там же. С. 203, 208.

³ Там же. С. 203—204.

части введения социализма»¹. Равно как не приходится говорить и о революционной войне, подчеркивал он, ибо «до сих пор мы ничего не делали для подготовки ее». Отказываясь от войны, мы не сохраним социалистическую республику. Оратор заявил: «Именно разложение германской армии, именно гражданская война с германским империализмом, именно наше задушение может поднять революцию на Западе. Мы не можем остановиться на полпути; а должны идти до конца, оставаясь на нашей позиции, а заключая мир, мы капитулируем перед германским империализмом». Оппокон высказался за принятие позиции Троцкого, имея в виду вместе с тем активную подготовку к революционной войне.

Неприемлемым лозунг революционной войны считал Сталин². Возражал он и против позиции Троцкого. Сталин говорил, что «революционного движения на Западе нет», что «наступать Германия сможет», что нам «нужно время» для проведения социалистических реформ, которые будоражили бы Запад, что, принимая позицию Троцкого, «мы создаем наихудшие условия для движения на Западе», а потому он высказывается за предложение Ленина.

«Миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на Западе», — говорил Зиновьев, по мнению которого «дальше виднеется другая перспектива — это гибель социалистической республики»³. Расценив предложение Троцкого неприемлемым, он поставил вопрос: «Не следует ли оттянуть еще на некоторое время возобновление переговоров, а тем временем произвести всенародный референдум по отношению вопроса о мире?»

Выступавший Бубнов обратил внимание на то, что из трех точек зрения, которые были высказаны на собрании 8 (21) января, «точка зрения революционной войны не находит сторонников»⁴.

Взявший снова слово Ленин говорил о своем несогласии «в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым»⁵. Ленин уточнял, что «на Западе есть массовое движение, но революция там еще

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 204.

² См. там же.

³ Там же. С. 204—205.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же.

не началась», что «заклучение мира» не ослабит движение на Западе, что «нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир».

С резкой критикой ленинской позиции выступил Дзержинский¹. Он говорил, что «подписание мира есть капитуляция всей нашей программы», что «Ленин делает в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев», что мы — партия пролетариата, а последний «не пойдет за нами, если мы подпишем мир».

От имени Петербургской партийной организации говорил Косиор, подчеркивавший, что она «протестует и будет протестовать, пока может, против точки зрения тов. Ленина и считает возможным только позицию революционной войны»².

Поскольку опять заговорили о революционной войне, Бухарин здесь выдвинул возможность лозунга окопного мира, то есть мира, заключаемого солдатами на фронте путем братания³.

Все согласны с тем, говорил Сергеев (Артем), что нашей республике грозит гибель при отсутствии социалистической революции на Западе⁴. Но для развития этой революции необходимо время, которое мы можем получить «только путем заключения мира; мир — это наше спасение».

Говоря об отсутствии у нас возможностей ведения революционной войны, Крестинский высказался за усиление Красной гвардии, за создание Красной Армии, с помощью которой мы и сможем вести эту войну⁵.

Не видел ничего вредного в том, чтобы «тянуть с мирными переговорами», Сокольников⁶. По его мнению, «не страшно» нам и заключение мира, ибо после этого шага мы и «начнем готовиться к революционной войне».

И вновь высказался Бухарин, предложивший определить, что считать революционной войной: «натиск или стояние на месте»?⁷

Тогда поставил вопрос Троцкий: «Собираемся ли мы

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 205.

² Там же. С. 206, 208.

³ См. там же.

⁴ См. там же. С. 206.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же.

⁷ Там же.

призывать к революционной войне?»¹ После постановки на голосование оказалось: 2 — за, 11 — против, 1 — воздержался².

По предложению Ленина поставили на голосование, что «мы всячески затягиваем подписание мира»; 12 — за, 1 — против³. (Против был Зиновьев⁴.)

В заключение Троцкий предложил поставить на голосование формулу: «мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем»; в результате 9 — за (среди них были Троцкий, Урицкий, Ломов, Бухарин, Коллонтай), 7 — против (Ленин, Сталин, Свердлов, Сергеев, Муранов и другие)⁵.

Так закончилось это первое столкновение мнений в центральном руководстве партии по вопросу о мире. Впереди еще была длительная и напряженная идейно-политическая борьба.

В день заседания ЦК РСДРП(б), 11 (24) января, по поводу мирных переговоров в Брест-Литовске высказался и Московский комитет партии, позиция которого была идентичной линии пленума Московского областного бюро РСДРП(б), выраженной, как известно, в резолюции от 28 декабря 1917 года (10 января 1918 года). В резолюции МК РСДРП(б)⁶ говорилось, что «демократический мир не может явиться результатом дипломатических переговоров с империалистическими правительствами», что принятие германских условий «могло бы привести к одному из худших видов оппортунизма» для нас, что развертывающееся революционное движение на Западе убеждает в неизбежности «в ближайшее же время социалистической революции в Европе». Исходя из изложенного, заявлялось в резолюции, «МК предлагает Совету Народных Комиссаров признать предложения немецкой делегации неприемлемыми и прервать мирные переговоры». Вместе с тем МК считал необходимым усилить работу по организации социалистической армии, способной защитить завоевания революции от любых внутренних и

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 206.

² См. там же. С. 207.

³ См. там же.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 267.

⁵ См.: Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 202; Сорин Вл. Ленин в дни Бреста. С. 19—20.

⁶ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 286—287.

внешних врагов, а также оказывать «помощь социалистическим отрядам других стран в их борьбе за международный демократический мир и отнюдь не связывать своих действий с империалистической политикой держав согласия».

Эта единогласно принятая резолюция и не публиковавшаяся пока резолюция пленума Московского областного бюро РСДРП(б) от 28 декабря 1917 года были одновременно преданы гласности на следующий день после заседания ЦК партии, то есть 12 (25) января¹.

Решение ЦК партии от 11 (24) января было уже обязывающим документом, принятым большинством центрального партийного руководства: против революционной войны, за предложение Ленина о затягивании переговоров, за формулу Троцкого «ни войны, ни мира». Этот документ, пока не подлежащий огласке, означал, по сути дела, что дальнейший ход переговоров после перерыва должен был с нашей стороны «регулироваться» ленинским предложением, по исчерпанию «возможностей» которого вступала бы «в действие» формула Троцкого. Так решило большинство ЦК РСДРП(б) 11 (24) января. И Ленин был скован этим решением, он не мог открыто высказывать своего мнения по этому острейшему в те дни вопросу, по вопросу о мире.

С этим он и приехал вечером того же дня в Таврический дворец на второе заседание III Всероссийского съезда Советов². С отчетом ЦИК выступил Свердлов; затем для доклада о деятельности правительства за время, прошедшее после победы революции, слово было предоставлено Ленину³. В своем выступлении Ленин не затрагивал вопроса о мире, объяснив это тем, что данный вопрос и вопрос о продовольствии стоят в повестке дня и «они будут обсуждаться специально»⁴. Но одно положение из своих «Тезисов» он все же высказал, когда говорил о том, что в России делается сейчас «общее дело» всемирного «пролетариата, международной социалистической революции». И здесь Ленин в косвенной форме провел мысль, понятную, конечно, для его оппонентов, о

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 287. Социал-демократ. 1918. № 7. 12 (25) января.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 196.

³ См. там же; Известия ЦИК. 1918. 12 января; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 13(26) января.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 277.

том, что нам надо во что бы то ни стало продержаться. Он говорил: «Больше, чем всякие прокламации и конференции, действует живой пример, приступ к делу где-либо в одной стране, вот чем зажигаются трудящиеся массы во всех странах»¹.

12 (25) января в вышедшем номере «Известий ЦИК» была помещена статья Каменева о германских условиях мира. Подчеркнув, что проведенная на карте Восточной Европы генералом Гофманом черта характеризует не соперничество государств за господство на определенной территории, а представляет из себя линию классовой борьбы, что германские условия мира несовместимы с принципами русской революции, что они выражают империалистические притязания с целью удушить эту революцию, Каменев заключал: «Подобный мир неприемлем для пролетарской коммунистической партии и не может оказаться приемлемым и для того правительства, которое держит власть именем и во имя интернационального социализма»². Оппоненты Ленина могли выступать с изложением своей точки зрения по вопросу о войне и мире, разумеется, в рамках принятого большинством ЦК РСДРП (б) решения от 11 (24) января. Позиция Ленина была другой, и он мог защищать ее только внутри ЦК, а не вне его, дабы не демонстрировать отсутствие единства по этому вопросу в центральном руководстве партии.

В вышедшей в тот день «Правде» заголовки гласили: «Красный флаг коммунистической революции поднят и в Европе», «В Вене и Будапеште — Советы Рабочих Депутатов», «В Варшаве начинается всеобщая стачка социалистического пролетариата», «В Берлине закрыт даже «Форвертс»³. О начинающемся якобы масштабном движении европейского пролетариата свидетельствовала «Правда» и в последующие два дня: «Революционное брожение в Австрии продолжается», «В Англии начинаются революционные стачки. Парижские рабочие идут навстречу новому интернационалу», «В Испании снова вспыхнули беспорядки», «В Финляндии рабочие идут на штурм капитала», «Международная рабочая революция шагает вперед», «Да здравствует мировое восстание пролетариев!». «Правда» писала, что сейчас нужны конкретные действия, конкретные лозунги и одним из основных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 278.

² Известия ЦИК. 1918. 12 января.

³ Правда. 1918. 25(12) января.

таких лозунгов пролетарской революции должен стать призыв «Да здравствует Европейская Советская Республика!»¹. Все это наэлектризовывало массы, создавало определенный настрой в речах ораторов на собраниях, митингах, заседаниях различных съездов.

И надо полагать, что это отразилось и на проходившем 13 (26) января совместном совещании руководства партий большевиков и левых эсеров, где формула Троцкого «войны не вести, мира не подписывать» одобрялась подавляющим большинством присутствующих². Позиция Ленина не нашла поддержки и здесь, на заседании руководства двух партий, совместно находившихся у власти. Революционная фраза в силу внутренних и внешних объективных и субъективных обстоятельств продолжала довлеть над умами и настроениями, заглушая здравый смысл.

12 января и в ночь на 13-е Ленин участвует в работе третьего заседания III съезда Советов, слушает ораторов, выступает с заключительным словом по докладу о деятельности СНК³. И вновь Ленин не касается вопроса о мире. Только в одном месте своего выступления, видимо под впечатлением утренних газетных сообщений, он говорит, что «Советская власть добивается конца войны», что «война кончится в связи с международным революционным движением»⁴. Понятно поэтому, с каким вниманием Ленин слушает и анализирует полученную по различным каналам информацию о рабочем движении в Европе. 13 (26) января он беседует с приехавшим из Швейцарии товарищем об отношении западноевропейских рабочих к Советской власти в России, в тот же день знакомится с сообщением из Стокгольма от В. В. Воровского, где говорится, что хотя стачки в Австрии и приостановились, но подавить их совсем властям не удастся⁵.

Обо всех этих фактах он тогда же рассказывает в своем выступлении на Чрезвычайном Всероссийском железнодорожном съезде⁶. И снова Ленин «обходит» воп-

¹ Правда. 1918. 26(13) и 27(14) января.

² См.: Социал-демократ. 1918. 14 января; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 135; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 68.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 199.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 283.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 200.

⁶ См. там же. С. 201.

росы мира, мирных переговоров в Брест-Литовске, хотя вскользь у него и прорываются нотки тревожащих его мыслей, «обрывки» его аргументов в пользу немедленного заключения аннексионистского мира. Комментируя полученные им сообщения о положении дел с рабочим движением в странах Западной Европы, Ленин говорил, что русский народ не одинок в своей борьбе и с помощью товарищей и друзей завершит ее, хотя, как он заключал, «мы не знаем, сколько времени пройдет до того, чтобы распустилась социалистическая революция и в других странах»¹. Мысль о невозможности знать точно день пришествия революции в других странах повторяется им и далее, когда Ленин не сомневается в том, что «в ближайшем будущем, может быть отдаленном, социалистическая революция становится на очередь дня» в европейских государствах². И, наконец, в своих ответах на поступившие ему записки Ленин, говоря о тяжелейшем положении страны, призывает аудиторию самой подумать, «в состоянии ли те люди, которые три года просидели в окопах и измучены войной, бороться для того, чтобы наживались русские капиталисты, из-за того, что русским капиталистам нужен Константинополь»³.

В этот же день, 13 (26) января, произошло одно очень неприятное для Советской власти международное осложнение: в связи с вторжением румынских войск в Бессарабию Совнарком принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией со всеми вытекающими отсюда последствиями⁴. Завязывался еще один военный узел. Словом, империалисты спешили поживиться за счет истекающей кровью России, где к тому же одна внутренняя междоусобица следовала за другой: 12 (25) января Центральная Рада издала IV универсал, провозгласивший выход Украины из состава Российской Федерации и объявивший о государственной независимости Украины⁵.

13 января на III съезде Советов выступил Троцкий, подробно рассказавший о нашей борьбе за мир. Германские условия мира характеризовались им как тяже-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 301.

² См. там же. С. 303.

³ Там же. С. 309.

⁴ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 89—90; Известия ЦИК. 1918. 14 января.

⁵ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 281.

лейшие и рассчитанные на то, чтобы подавить нашу революцию. Говоря о революционном движении на Западе, Троцкий приводил в качестве примера назревающий сильный политический кризис в Австрии и Германии. Своими действиями, своей политикой мы будем стремиться к пробуждению западноевропейского пролетариата, но, подчеркивал он в то же время, на этот счет «мы не можем заниматься праздными пророчествами»¹. В этой своей политике, продолжал Троцкий, мы будем параллельно решать две важнейшие задачи: осуществлять демобилизацию армии и продолжать мирные переговоры, чтобы по крайней мере разоблачать те германские предложения, которые противоречат основам демократического мира². По существу, Троцкий здесь старался объединить несоединимое: тезис Ленина — о затягивании переговоров, положение сторонников революционной войны — об абсолютной неприемлемости условий мира и свое — о демобилизации армии.

13 января по предложению Ленина решение ЦК РСДРП(б) от 11 января, касающееся затягивания мирных переговоров, было сообщено большевистской фракции ЦИК, которая в свою очередь вынесла его на совместное обсуждение с фракцией левых эсеров, признавшей в создавшихся условиях правильность этого постановления³. Позиция левых эсеров в данном случае определялась отношением делегатов III съезда Советов, прежде всего крестьян, к вопросам мира. В многочисленных наказах съезду от рабочих, солдат и крестьян выражалась поддержка политики Совнаркома на скорейшее заключение мира. Интересны в этом смысле ответы крестьянских делегатов III Всероссийского съезда Советов на вопросы розданной им анкеты. Поступило 422 ответа; по вопросу об отношении к войне 378 делегатов ответили, что мир желателен, а 5 — желательно продолжение войны; по поводу мирных переговоров 325 человек отнеслись к ним одобрительно, 10 — отрицательно⁴.

14 (27) января Ленин беседует с членами советской мирной делегации перед их отъездом в Брест-Литовск, дает разъяснение по нашей тактике при продолжении переговоров; он разговаривает с председателем делегации

---

¹ Известия ЦИК. 1918. 16 января; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17 (30) января.

² См. там же.

³ См.: *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 68.

⁴ См.: Красный архив. 1937. Т. 6. С. 26.

Троцким, договариваясь с ним о том, что «мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем», то есть Ленин при предъявлении нам немцами ультиматума «предложил совершенно определенно мир подписать», что не вызывало возражений у Троцкого в ходе беседы¹. Тогда же Ленин передает делегации написанную на немецком языке записку для К. Б. Радека и просит детально изложить последнему его, Ленина, точку зрения по вопросу о заключении мира: Радек придерживался позиции непринятия германских условий мира, ведения революционной войны². В записке Ленин писал: «Дорогой Радек! Троцкий или Каменев сообщит Вам мою точку зрения. Я с Вами принципиально в корне не согласен: Вы попадаете в ловушку, которую империалисты обеих групп ставят Республике Советов»³. В качестве члена советской мирной делегации СНК уполномочивает участвовать в ее работе и левого эсера В. А. Карелина, удостоверение которого также подписывается Лениным⁴.

А в Петрограде продолжал свою работу III съезд Советов. 14 января на его заседании выступил Каменев, который дополнил доклад Троцкого о ходе мирных переговоров. В своем выступлении он констатировал, что «на Западе мы уже имеем великого могучего союзника в лице международного пролетариата»⁵.

От объединенных меньшевиков говорил Л. Мартов, подчеркивавший, что мы не можем принять немецкие условия мира, ибо этим «наносится не только тяжелый удар самому существованию русского народа, но ставится на карту судьба международного пролетариата»⁶. Что же нам делать? — вопрошал Мартов, не давая ответа на самим же поставленный вопрос, а лишь соглашаясь с Троцким и Каменевым в том, что «только восстание угнетенного международного пролетариата даст толчок для всеобщего демократического мира»⁷. Поставив судьбу

---

¹ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. XXIX, 69, 116; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 203.

² См. там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 30.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 203.

⁵ Известия ЦИК. 1918. 16 января.

⁶ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

⁷ Там же.

международного пролетариата в зависимость от принятия или непринятия нами германских условий мира, а демократический мир обусловив восстанием международного пролетариата, Мартов этот крепко завязанный им узел «подбросил» большевикам, сетуя на то, что он не услышал на заседании ответа, как долго будет развиваться революционное движение на Западе и что делать, если немцы встанут на путь войны.

Выступавший от имени фракции интернационалистов Линдов одобрял внешнюю политику Совнаркома и резко критиковал «позорную роль» Рады на мирных переговорах¹. А Коган-Бернштейн, представлявший фракцию правых эсеров, наоборот, характеризовал нашу политику как не отвечающую требованиям интернационализма². Зиновьев, полемизируя с Мартовым, обвинившим большевиков в проведении в Брест-Литовске политики, якобы не способствующей пробуждению западноевропейского пролетариата, говорил о неизбежности нашей предстоящей борьбы с империализмом. Он заявлял: «Если Россия заключит мир, то этот мир будет только перемирием. Социалистическая революция в России победит тогда, когда она будет окружена кольцом социалистических республик-сестер»³.

С резкой отповедью правым эсерам выступил левый эсер Камков. Он подчеркивал, что русская революция в данный момент взвалила на свои плечи непомерно тяжелое бремя, что добиться за несколько дней мира без аннексий и контрибуций и права наций на самоопределение почти невозможно, ибо полное решение этих задач может дать лишь мировая революция. «Вы требуете от русской революции того,— говорил он, обращаясь к правым,— что может совершить только международное восстание пролетариата. Для вас необходимо одно: воюй во что бы то ни стало, воюй до последнего солдата, воюй, хотя бы это вело к гибели революции и полному уничтожению целых народов»⁴. Нас никто не может упрекнуть, что мы не сделали всего необходимого в борьбе за мир, продолжал Камков, и «если на время нам придется сделать некоторые уступки, то это не наша вина, а послед-

---

¹ См.: Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

² См. там же.

³ Известия ЦИК. 1918. 16 января.

⁴ Там же; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17 января.

ствия того явления, что международная революция не успела в свое время поднять рабочих других стран одновременно с пролетариатом России»¹.

Выступивший Канторович (объединенный интернационалист) заявил, что говорит от имени армии, и убеждал всех в том, что «позорный похабный сепаратный мир не должен быть заключен»². И вновь наэлектризовался зал. «У России как государства армии нет,— сказал, взяв слово от имени флота, Баранов,— но у русской революции армия есть»³. И у нас нет оснований сомневаться в победе, ибо «из Венгрии и Австрии подходят к нам подкрепления и скоро к нам подойдут подкрепления и из Германии, Франции, Англии и всех других стран цивилизованного мира»⁴. Мы будем бороться за демократический мир, продолжал оратор, и немцы не смогут бросить на нас свои силы, а наша новая армия уже создается. «Но если бы даже было иначе, если бы нам пришлось продолжать борьбу в одиночестве, мы будем продолжать ее до тех пор,— заключил Баранов,— пока не упадем, ибо, как правильно выразился тов. Троцкий, нас поднимет международный пролетариат»⁵.

С заключительным словом по докладу о мире выступил Троцкий, которому пришлось, с одной стороны, несколько «осаживать» слишком революционных ораторов, а с другой — иметь, видимо, в виду и разговор с Лениным, когда они договорились о тактике нашей делегации после ее возвращения в Брест-Литовск. Троцкий подчеркивал, что «дать обязательство заключить только подлинный демократический мир — это значило бы дать обязательство в том, что социальная революция, о которой все здесь говорили, вспыхнет немедленно и что она будет в самом широком смысле этого слова победоносной»⁶. Троцкий считал неуместным выражение «похабный мир», говоря, что в создавшихся тяжелых и в высшей степени сложных условиях речь идет о несчастном мире. Мы, заявлял он, верим в победу мировой революции, «но мы не можем дать гарантии, что ни при каких условиях мы не найдем возможным дать передышку русскому отряду

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Известия ЦИК. 1918. 16 января; Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 30 января.

международной революции»¹. Но одновременно в его словах звучала и полная уверенность в том, что забастовки в Вене и Будапеште, доживаемые, по сути дела, Радой последние дни, наши военные успехи на юге в эти дни в борьбе с контрреволюцией не позволят германскому милитаризму двинуть свои силы против нас.

14 (27) января III Всероссийский съезд Советов одобрил написанную Троцким резолюцию о внешней политике Советской власти; проект постановления этого решения вносился от имени двух фракций съезда — большевиков и левых эсеров². В постановлении подчеркивалось, что предъявленные австро-германским блоком условия мира попирают его демократические принципы, что, «провозглашая снова перед лицом всего мира стремление русского народа к немедленному прекращению войны, Всероссийский Съезд поручает своей делегации отстаивать принципы мира на основах программы Русской революции»³. Одобрение III съездом Советов внутренней и внешней политики Совнаркома проявилось и в утверждении такого важного документа, как «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Отметим также и то обстоятельство, что «вотум доверия», так сказать, курсу ВЦИК и СНК и предоставление им в вопросах мира широких полномочий были даны уже объединенным съездом Советов: 13 (26) января III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов слился с III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, после чего продолжал уже работу как объединенный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁴.

Поздно ночью этого же дня, когда съездом Советов была одобрена внешняя политика Советского правительства, наша делегация вновь выехала в Брест-Литовск⁵, где, как известно, 16 (29) января должна была продолжить свою работу мирная конференция.

---

¹ Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1918. 17(30) января.

² См. там же; *Ознобишин Д. В.* От Бреста до Юрьева. С. 69; *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 205; *Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б).* Седьмой съезд. Март 1918. С. 268.

³ *Документы внешней политики СССР.* Т. 1. С. 90—91.

⁴ См.: *Майоров С. М.* Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 205; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 480.

⁵ См.: *Известия ЦИК.* 1918. 16 января.

Итак, делегация ехала в Брест-Литовск, а в руководящих органах партии и ее ведущих организациях назревал кризис. 15 (28) января группа членов ЦК и наркомов подала письменное заявление в ЦК РСДРП¹. Какова была его причина? В принятой III съездом Советов резолюции снова провозглашалась наша готовность прекратить войну на принципах демократического мира и ничего не говорилось о сепаратном мире. Казалось бы, все ясно, но противников аннексионистского мира встревожило то обстоятельство, что резолюция не содержала в себе прямого запрещения подписывать мир с немцами после возобновления работы мирной конференции в Брест-Литовске, а предоставляла правительству возможность свободного решения проблемы путем наделения СНК неограниченными полномочиями по вопросу о мире. В заявлении говорилось, что все это противоречит известным постановлениям ЦК РСДРП(б) и точкам зрения Московского областного бюро РСДРП(б), Петербургского комитета и совещания ЦК с партийными работниками, в которых указывалось на невозможность пойти на подписание «похабного мира». Исходя из изложенного, предлагалось «немедленно (в течение недели) созвать партийную конференцию для окончательного и ясного разрешения данного вопроса исторической для международного пролетариата важности». В случае, если мирный договор будет подписан «без созыва такой конференции», подавшие заявление «сочтут необходимым оставить ответственные посты в партии и органах власти», которые они занимают. Заявление подписали: член ЦК РСДРП(б) Г. Оппок (А. Ломов), нарком В. Оболенский (Н. Осинский), В. Яковлева, Шевердин, Н. Крестинский, В. Смирнов, М. Васильев, М. Савельев, комиссар Государственного банка Георгий Пятаков, член ЦК РСДРП(б) и редактор «Правды» Н. Бухарин, член Уральского областного комитета и ЦИК Преображенский — всего 11 руководящих товарищей.

Резкое заявление направила в ЦК РСДРП(б) в этот же день и Исполнительная комиссия Петербургского комитета РСДРП(б)². «Политическая линия, которую сейчас ведет ЦК,— говорилось в нем,— и которая, как следует заключить из резолюции большевистской фракции

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 288.

² См. там же. С. 283—285.

съезда¹, направлена на заключение так называемого «похабного мира», что означает сейчас сдачу наших позиций перед лицом грядущей международной революции и несомненную гибель нашей партии, как авангарда этой революции». В заявлении выражался решительный протест против этого курса, а также «против политики замалчиваний и недомолвок, которая практикуется сейчас в деле нашей внешней политики даже по отношению к ответственным органам самых больших организаций партии». Подчеркивалось, что «подписание «похабного мира» явно противоречит мнению большинства партии», выраженному, в частности, в позиции самых влиятельных организаций нашей партии — Петербургской и Московской, и продолжение такой мирной политики грозит расколом РСДРП(б). В свете сказанного Исполнительная комиссия от имени Петербургской организации требовала немедленного, также в недельный срок, созыва экстренной партийной конференции, которая в создавшихся условиях «может решить вопрос о нашей мирной политике». В заявлении говорилось вместе с тем, что вопрос о войне и мире Исполнительная комиссия переносит на обсуждение высших инстанций Петербургской организации и партийных органов в районах. От имени Исполнительной комиссии заявление подписали 5 человек — С. Косиор, Г. Бокий, Я. Фенигштейн, А. Плужников, С. Равич.

Различные мнения по вопросу об отношении к войне выявились и среди военных работников на совещании 13 (26) января. В нем участвовали Крыленко, Подвойский, Мехоношин, Мясников, командующий Северным фронтом Позерн и многие другие военные работники центрального аппарата и фронтов². На заседании все фронтовые работники, кроме Позерна, проголосовали за абсолютную невозможность продолжать военные действия, а аппаратчики и Позерн считали возможным продолжать войну. Крыленко доложил в Совнарком об этих двух прямо противоположных точках зрения; Ленину они были известны³.

Вопрос о создании новой, социалистической армии встал в порядок дня. 15 (28) января Ленин, после обсуждения на Совнаркоме, подписывает декреты об органи-

¹ Имеется в виду III съезд Советов.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 261—262.

³ См. там же. С. 262.

зации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, об учреждении Всероссийской коллегии по ее формированию; правительство принимает также декрет об ассигновании на организацию Красной Армии 20 миллионов рублей, и 16 января Ленин его подписывает¹.

А жизнь продолжалась, она шла во всем своем многообразии, события развивались противоречиво, одни были на руку Советской власти, другие — нет.

Член советской делегации Каменев дожидался восстановления прерванного снежными заносами движения по финляндским дорогам, чтобы в качестве уполномоченного СНК выехать в Стокгольм, а затем в Лондон и Париж с целью информирования правительств и народов стран Антанты о ходе мирных переговоров².

Совнарком рассмотрел вопрос о посылке делегации в Австро-Венгрию и Германию для обследования положения русских военнопленных³. Надо было использовать все шансы, все возможности для нейтрализации «горячих голов», готовых при первом же неприемлемом для них повороте в развитии событий пойти на разрыв переговоров в Брест-Литовске.

Французская печать, комментируя подготавливаемый Россией шаг к ликвидации государственных долгов, писала, что «большевистское правительство при помощи Четверного союза довершает свою измену и угрожает разорением тысячам французских семейств»⁴.

Газета «Правда» помещала телеграмму о том, что утром 16 (29) января в Берлине бастовало 40 тысяч человек 16 предприятий, а в полдень — уже 100 тысяч рабочих 40 заводов и фабрик, что демонстраций при этом не было, что «характерен бросающийся в глаза недостаток организационного единства»⁵. Карахан передавал из Брест-Литовска, что во время перерыва в переговорах нашим товарищам было отказано в поездке в Варшаву и Вильно, а представителю Киевской Рады немцы разрешили посетить Варшаву⁶.

---

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 207, 208, 209; Известия ЦИК. 1918. 19 января.

² См.: Известия ЦИК. 1918. 17 января; Правда. 1918. 29 (16) января.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 207.

⁴ Известия ЦИК. 1918. 18 января.

⁵ Правда. 1918. 30 (17) января.

⁶ См. там же. 1918. 31 (18) января

Из Парижа сообщалось, что в Версаль прибыли для участия в переговорах Ллойд Джордж, Клемансо, итальянский премьер Орландо, крупные военные чины Франции, Англии, Италии, США: союзники «планировали войну» против держав австро-германского блока¹.

Брест-Литовск готовился к продолжению работы мирной конференции. Мы ехали туда, имея в виду развитие международных событий, в надежде «потянуть» переговоры, дабы выиграть время с целью более точной оценки обстановки. Таков был наш план действий, одобренный ВЦИК, ЦК РСДРП(б), СНК. Наши же партнеры стремились к скорейшей реализации своих грабительских, аннексионистских замыслов. Кюльман во время перерыва в брест-литовских переговорах докладывал в Берлине: «В России хаос, мир с Украиной почти обеспечен, экономический обмен с новым государством может быть возобновлен: на Украине лежат большие запасы хлеба»².

Людендорф об обстановке этих дней пишет: «Разложение русской армии быстро подвигалось вперед. Она находилась в состоянии полной дезорганизации и жаждала мира. Таким образом, наше военное положение складывалось в высшей степени благоприятно»³. Отмечает Людендорф и то обстоятельство, что после прибытия в Брест-Литовск представителей Рады и занятия ими противоположной большевикам позиции «их взял под особое покровительство генерал Гофман; представителям Четверного союза представилась возможность завязать сепаратные переговоры с Украиной»⁴.

О том, что немцы начинали все острее воспринимать неуступчивость русской делегации, теряли терпение и кризис назревал, свидетельствует и Гинденбург: «Конечно, мы были бы очень довольны, если бы начало 1918 г. ознаменовалось миром на востоке. Вместо этого из Брест-Литовска раздавались дикие агитационные речи доктринеров разрушения. ...Русские парламентареры, и прежде всего Троцкий, смотрели на переговоры, которые должны были примирить сильных противников, как на средство сильнейшей агитации. При таких условиях неудивительно, что переговоры о мире не подвигались вперед. По моему мнению, Ленин и Троцкий... хотели вне-

---

¹ См.: Правда. 1918. 1 февраля (19 января).

² Эрцбергер М. Германия и Антанта. С. 214.

³ Людендорф М. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 126.

⁴ Там же. С. 128.

сти разложение в наш тыл и в ряды нашего войска»¹.

В день возобновления мирных переговоров в Брест-Литовске Радек писал оттуда, что у нас нет никаких иллюзий относительно состояния нашей армии, разложение которой слишком велико, чтобы она оставалась в окопах и сражалась². Вместе с тем он считал, что «новый поход немецкого империализма в глубь России» невозможен, что русскую революцию «никто не согнет и не сломит», если она «сама не преклонится», что мы не должны идти ни на какие уступки в переговорах о мире. И Радек заключал: «Поэтому мы твердо должны себе сказать: мы согласны на сепаратный мир, если другого заключить нельзя. Но только на мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Или такой мир, или никакого!»³. Радек и после прочтения записки Ленина оставался на позиции абсолютного неприятия германских условий мира.

17 (30) января в 12 часов дня брест-литовская мирная конференция возобновила свою работу⁴. В начале пленарного заседания Кюльман и Троцкий обменялись информацией о персональных изменениях в составах возглавляемых ими делегаций. В германской делегации появился баварский посланник граф Дюрпиц, в нашей — Медведев и Шахрай. Говоря об участии Медведева и Шахрая в работе конференции в составе нашей делегации, Троцкий подчеркнул, что «последнее обстоятельство имеет серьезнейшее значение для хода дальнейших переговоров и является отражением того внутреннего положения, которое сложилось на Украине»⁵. Троцкий разъяснял на пленарном заседании, что Украина в ходе революции прошла через ту же политическую эволюцию, что и Россия, но только с некоторым различием во времени, что власть Киевской Рады по своему характеру близка власти российского Керенского, что украинские Советы ведут борьбу с Киевской Радой, которая в момент отъезда русской делегации в Брест-Литовск подала к тому же в отставку. Подытоживая все это, Троцкий заявил: «В настоящий момент мы еще не знаем, чем кончится этот кризис Киевской власти и как он отразится на судьбе делегации г. Голубовича. Но из изложенного ясно, во

---

¹ Воспоминания Гинденбурга. С. 66.

² См.: Правда. 1918. 5 февраля (23 января).

³ Там же.

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 134.

⁵ Там же. С. 135.

всяком случае, что мир, заключенный с делегацией Киевского Генерального Секретариата, при настоящих условиях ни в коем случае не может еще считаться миром с Украинской Республикой»¹. Троцкий знал, что войска Харьковского ЦИК ведут наступление на Киев, что в самом Киеве 16 (29) января против Центральной Рады восстали киевский пролетариат и части гарнизона города².

Далее Троцкий напомнил, что государственное самоопределение Украины находится в стадии развития и с этим надо считаться. Он говорил о проходившем сейчас в Петрограде III съезде Советов, в работе которого принимали участие и представители Советов Украины, устанавливающие федеративные связи с Российской Республикой. В то же время он сказал, что в случае наличия у делегации Голубовича соответствующего мандата на представительство мы «по-прежнему не возражаем против ее дальнейшего участия в мирных переговорах», но какие-либо соглашения с ней относительно Украины могут быть действительны лишь при признании их делегацией Российской Федеративной Республики, в составе которой участвуют и представители Украины³.

Взявший слово представитель Рады Левицкий сказал, что этот вопрос остается открытым до приезда остальных членов нашей делегации. Его поддержал Кюльман, заявивший, что делегации стран Четверного союза лишь во время перерыва в работе конференции были уведомлены о прибытии других представителей от Украины. И далее он добавил, что поскольку власть в России основывается на силе, то какая из двух делегаций от Украины представляет ее — это серьезный вопрос. Троцкий здесь вновь сказал, что мы не возражаем против участия в переговорах и представителей Киевской Рады, хотя и держим сторону Харьковского ЦИК. Соглашаясь с мнением Левицкого и Кюльмана, Чернин одновременно, дабы не терять времени, предложил, чтобы «так называемая территориальная комиссия снова приступила к своим занятиям»⁴. Троцкий, поддержав это последнее предложение, предъявил претензии другой стороне за искажение в печати его выступлений и инсинуации в ад-

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 135.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918. С. 282.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 136.

⁴ Там же. С. 138.

рес Советского правительства, но Талаат-паша поспешил закрыть заседание, напомнив, что в дальнейшем работа продолжится уже в политической комиссии.

18 (31) января вечером Чернин открыл заседание политической комиссии, собравшейся, как и до перерыва в переговорах, в прежнем составе — русская, германская и австро-венгерская делегации¹. Кюльман сразу же повел разговор относительно протеста Троцкого по поводу искажения его выступления в печати. Дискуссия шла при участии Кюльмана, фон Геша, Троцкого и Чернина. Троцкий при этом обратил внимание на совсем «свежее» искажение печатью его слов — газеты писали, будто Троцкий в заключительной речи на III съезде Советов заявил, что мы не подпишем сепаратного мира². Протестуя, Троцкий говорил, что он не мог давать никаких обязательств относительно неподписания сепаратного мира, ибо это означало бы, заявлял он, что он дает обязательство за русский народ воевать за интересы союзных империалистов³. И в то же время Троцкий был не до конца последователен в этом своем «оправдании», ибо, продолжая разъяснять действительно сказанное им, заявлял: мы возвращаемся в Брест, чтобы подписать честный, демократический мир, и мы его подпишем, если он не противоречит нашим интересам⁴. Такая постановка вопроса отличалась от того, о чем он улавливался с Лениным перед отъездом в Брест-Литовск.

Поскольку дискуссия «грозила» затянуться, Чернин «повернул» ее в сторону обсуждения территориальных вопросов. Конкретно его интересовало наше отношение к областям, занятым австрийскими войсками. Он хотел знать, каковы полномочия русской и киевской делегаций на этот счет, так как, сказал Чернин, украинцы «считают себя вправе совершенно самостоятельно обсуждать и решать» территориальные вопросы⁵. Троцкий немедленно выразил категорический протест относительно таких притязаний Киевской Рады. Он напомнил, что ее представители не возражали, когда мы говорили в свое время о решении подобных вопросов лишь при обоюдном согласии двух наших делегаций. И поэтому Троцкий сказал, что ему «неизвестно, когда и на каких заседа-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 139.

² См. там же. С. 140.

³ См. там же. С. 141.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же. С. 142.

ниях» представители Киевской Рады «заявляли о своем праве на самостоятельное разрешение территориальных вопросов»¹. Он подчеркнул также, что на заседании присутствуют два представителя ВУЦИК, а из полученной нами телеграммы явствует, что «вопрос об участии Киевской Рады, как самостоятельной делегации, относится скорее к прошлому, нежели к настоящему и будущему»².

В ответ Чернин предложил вопрос о полномочиях выяснять на пленарном заседании; здесь же, сказал он, мы хотели бы знать, могут ли представители Рады судить о землях, вклинившихся, например, в польские территории. Троцкий пояснил, что поскольку находящиеся в составе нашей делегации представители украинских Советов выступают за федеративное устройство России, то по вопросам территориальным тем более необходимо согласие русской делегации.

Кюльман заинтересовался содержанием упомянутой Троцким телеграммы и получил ответ о событиях в Киеве и о том, что «вопрос о дальнейшем существовании Рады — вопрос ближайшего будущего»³. После этого Чернин предложил закрыть заседание и выяснить правомочия делегации Украины на следующий день на пленарной встрече. Под занавес «задал» вопрос Троцкий: можно ли ожидать в ближайшее время участия в мирных переговорах представителей Польши, о которых ставила вопрос германская делегация? Кюльман ответил, что если у русской делегации изменилось понимание существа таких государственных образований, то этот вопрос можно обсудить. Наша точка зрения осталась без изменений, сказал Троцкий, и Чернин, также высказавшийся за приглашение поляков, закрыл заседание.

18 (31) января Свердлов, открывший заседание заключительного дня работы III съезда Советов, зачитал телеграммы о волнениях в Германии и, подытоживая события там, заявил: «Это движение все растет и растет, и скоро германские империалисты будут сметены, так же как и русские»⁴. Уже на следующий день заголовки «Правды» гласили: «Пожар мировой пролетарской революции разгорается», «Восстал германский пролетариат», «В Берлине — Совет Рабочих Депутатов», «Гибель капитализма неизбежна. Солнце социализма всходит»,

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 142.

² Там же.

³ Там же. С. 143.

⁴ См.: Известия ЦИК. 1918. 20 января.

«Торжество честного мира обеспечено»¹. Бела Кун в этот день в «Правде» отмечал, что миллионы бастующих немецких рабочих помогают в борьбе русской делегации в Брест-Литовске². Комментируя события в Германии, газета подчеркивала: «В колоссальном значении этого факта для дела борьбы за мир и международную революцию может сомневаться лишь человек, злостно и во что бы то ни стало не желающий что-либо осмысливать. ...Мы нисколько не сомневаемся, что германская революция будет развиваться чрезвычайно быстрым темпом...»³

18 января Петербургский комитет принял тезисы Бухарина «О моменте в связи с войной»⁴. В восьми тезисах говорилось следующее.

Революционная социал-демократия, ставя вопрос о войне на классовую почву, не исключала войны пролетариата «одной страны против буржуазного государства другой».

Октябрьская революция изменила «характер войны с русской стороны»: «из империалистической она превратилась в гражданскую войну против международного капитала».

Положение не меняется от того, что «в числе сил, направленных против Германии и Австрии, одновременно выступает англо-американо-французский империализм».

Таким образом, вопрос о демократическом мире «решается в зависимости от того, возможно или невозможно» продолжать войну.

«При решении вопроса о целесообразности заключения... аннексионистского мира» надо «исходить из интересов развития» международного революционного движения, считая Россию одним из его отрядов.

Сейчас это движение находится на переломном моменте, и заключать «похабный мир» — значит «на очень долгое время» срывать его развитие на Западе. «Похабный» договор можно было бы заключить раньше, до кризиса на Западе. Его нельзя заключать теперь, когда кризис налицо».

«Незаклучение договора и юридическое состояние войны» не связаны «с каким бы то ни было наступлением», и такое состояние «будет опираться не столько на

---

¹ Правда. 1918. 1 февраля (19 января).

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП, Август 1917 — февраль 1918. С. 284—285.

вооруженную мощь русской революционной армии, сколько на разложение и бессилие австро-германского империализма, который должен будет гнать своих солдат непосредственно на социалистические отряды». При этих условиях «даже наше поражение» приведет к дальнейшему революционизированию германских солдат.

Является иллюзией, будто любой мир и наше существование «в тысячу раз важнее остального». Империализм нарушит любой договор, если «будет в состоянии повести атаку на советскую республику». «Никакой отсрочки, кроме отсрочки международной революции, мы не получим».

Тезисы Бухарина, принятые единогласно при одном воздержавшемся¹, были как бы возражением на тезисы Ленина. Вместе с прежними такого же рода материалами, решениями и резолюциями Петроградской и Московской партийных организаций они представляли уже сильную организованную оппозицию курсу на заключение мира и выход из войны. К этим документам относилось и заявление в ЦК РСДРП(б) ряда бывших и действительных членов Уральского областного комитета, считавших «абсолютно необходимым» немедленный созыв «чрезвычайной партийной конференции для выяснения мнения партии по вопросу о войне и мире»². Заявление подписали Е. Преображенский, А. Белобородов, Н. Крестинский и снова Е. Преображенский по поручению Спундэ и Сосновского. Для рассмотрения всех этих документов надо было созывать заседание ЦК партии.

Поздно ночью с 18 на 19 января (с 31 января на 1 февраля) Ленин участвует в заключительном заседании III съезда Советов, уже под утро выступает с речью перед закрытием съезда³. Он извещен о тезисах Бухарина, о событиях в Германии, знает, как складываются дела в Брест-Литовске. Завтра, а вернее, уже сегодня, 19 января, ему предстоит с товарищами по партии решать вопросы войны и мира на созываемом заседании ЦК. А пока Ленин снова не затрагивает в заключительном слове вопроса о мире и войне, но касается международного революционного движения, и, возможно, в этой связи у него появляются какие-то надежды на более суще-

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 212.

² Там же. С. 289.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 216.

ственную поддержку со стороны западноевропейского пролетариата. Он говорит: «Мы уже не одиноки. За последние дни произошли знаменательные события не только на Украине и Дону, не только в царстве наших Калединых и Керенских, но и в Западной Европе. Вы уже знакомы с телеграммами о положении революции в Германии. Огненные языки революционной стихии вспыхивают все сильнее и сильнее над всем прогнившим мировым старым строем... И мы закрываем исторический съезд Советов под знаком все растущей мировой революции, и недалеко то время, когда трудящиеся всех стран сольются в одно всечеловеческое государство, чтобы взаимными усилиями строить новое социалистическое здание»¹.

19 января (1 февраля) во второй половине дня проходило заседание ЦК РСДРП(б)². В нем приняли участие Сокольников, Свердлов, Оппоков (Ломов), Урицкий, Сталин, Крестинский, Сергеев (Артем), Бубнов, Зиновьев, Бухарин, Муранов, Ленин, Стасова. Предложение о немедленном созыве конференции для решения вопроса, заключать или нет мир с Германией на предложенных ею условиях, было главной темой дебатов этого заседания ЦК партии. Началось оно выступлением Оппокова, сказавшего, что из речей Троцкого и особенно Зиновьева на III съезде Советов создалось впечатление, что «сепаратный мир с немцами предрешен», а поэтому, говорил оратор, необходимо, как это предлагают москвичи, созвать партийную конференцию по этому вопросу, и сделать это срочно путем делегирования на нее представителей верхов «отдельных областей»³. Оппоков, упоминая III съезд Советов, имел в виду его резолюцию, которая, одобряя деятельность нашей делегации в Брест-Литовске по затягиванию мирных переговоров, не содержала в себе точных директив по дальнейшей тактике, но вместе с тем предоставляла СНК неограниченные полномочия по вопросу о заключении мира⁴.

Взявший слово Зиновьев говорил, что его речь на III съезде Советов не противоречит принятому ЦК партии решению по вопросу о мирных переговорах, а сейчас

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 289—290.

² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 209—217.

³ Там же. С. 210.

⁴ См. там же. С. 218.

в связи с нарастанием движения в Австрии и Германии многие обстоятельства уже изменились, что он не видит смысла в созыве конференции, поскольку ведь на съезде «была наша фракция, были представители всей России, и фракция обсуждала вопрос и приняла определенное решение»¹.

На той же точке зрения стоял и Ленин, по мнению которого резолюция III съезда Советов о мире принята на основе демократического волеизъявления широких партийных и советских масс: III съезд Советов — ВЦИК — большевистская фракция ВЦИК — ЦК РСДРП(б)². Положение на фронте свидетельствует о «полной невозможности ведения войны» с нашей стороны, говорил Ленин к сведению ее сторонников, не видел он смысла и в созыве конференции, считая, что для получения ЦК «точных директив от партии необходимо созвать партийный съезд»³. Ленин говорил также, что затягивание переговоров даст нам «возможность продолжать братание», имея в виду революционизирование армии другой стороны, а заключение мира позволит сразу же «обменяться военнопленными» и тем самым перебросить в Германию «громадную массу людей, видевших нашу революцию на практике»⁴.

За созыв съезда высказался и Урицкий, по мнению которого на III съезде Советов «прошла точка зрения Троцкого, т. е. та же, что принята ЦК»⁵.

«Положение партии по отношению к вопросу о мире крайне неопределенно», — говорил в своем выступлении Бухарин, но «раскол, которым грозит» Петербургский комитет, «недопустим»⁶. Отсутствие «определенной руководящей линии» по вопросу о заключении мира, подчеркивал Бухарин, ведет к появлению различных точек зрения на этот счет, а поэтому необходимо созвать конференцию для выработки четкой позиции⁷.

О необходимости созвать съезд, а не конференцию говорил Свердлов. Ленин здесь предложил Бухарину дать справку о положении дел в Петербургском комитете, и

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 210.

² См. там же.

³ Там же. С. 211.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 211.

⁷ Там же.

тот сообщил о состоявшемся накануне собрании комитета, принявшего его тезисы, «расходящиеся по смыслу с содержанием обращения» Петербургского комитета в ЦК, имевшего место ранее¹.

За созыв съезда, который только и может быть выразителем мнения партии, высказался в свою очередь Сокольников; он считал, что в основу доклада о мире на нем можно было бы положить «тезисы о войне, являющиеся мнением ЦК»². Заявлению Петербургского комитета в ЦК, заявил оратор, «он лично не придает серьезного значения», так как «на раскол товарищи не пойдут», и этот их шаг «не является движением низов»³.

Взявший вторично слово Оппоков вновь высказался за созыв конференции, поскольку, по его мнению, это можно будет сделать в более короткие сроки, при этом он подчеркивал необходимость «серьезно считаться» с поступившими на этот счет в ЦК материалами, «так как это мнение самых крупных организаций: Питерской и Московской»⁴.

Дискуссия разгоралась. Тогда Ленин, отдавая предпочтение съезду при решении вопроса о мире, поскольку, как он сказал, «конференция является только ловлей мнения партии, которое необходимо зафиксировать», предложил созвать совещание и высказать на нем все точки зрения, каждая из которых должна представляться 3 товарищами, и на этом совещании достичь соглашения⁵.

В поддержку созыва съезда, являющегося «достаточно компетентным и законным органом, чтобы высказать решительное мнение, обязательное для ЦК», выступил Бубнов, указавший в то же время, что Оппоков не выражает «мнения москвичей», имеющих «представителей в лице Оболенского (Осинского) и Стукова»⁶. За созыв предлагаемого Лениным совещания, как за наиболее быстрое организованное решение, высказалась Стасова.

Против созыва конференции, которая «мнения низов не будет выражать», выступил Сергеев (Артем)⁷. Он

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август — февраль 1918. С. 212.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ См. там же.

⁶ Там же.

⁷ См. там же.

подчеркивал, что если мы хотим иметь мнение партии по вопросу о мире, то «следует объявить дискуссию»¹.

Различные течения по вопросу о мире, говорил Сталин, не позволяют нам иметь здесь ясной и определенной линии. По его мнению, «выход из тяжелого положения дала нам средняя точка — позиция Троцкого»². Сталин высказался за проработку вопроса на совещании, на котором можно было бы предоставить представителям различных точек зрения больше возможностей их обосновать.

Конференция из представителей областей не даст нам мнения низов, указывал и Свердлов в своем вторичном выступлении. Он поддержал идею совещания и одновременно говорил о необходимости созыва съезда. Об этом же сказал и Крестинский, подчеркнув, что до съезда надо «тянуть мирные переговоры» и мира не подписывать³. По его мнению, необходимо также «опубликовать и тезисы о войне и мире», а что касается конференции, говорил он, то вместо нее следует «созвать совещание по типу, предлагаемому Лениным»⁴.

Владимир Ильич высказался за созыв совещания через 2—3 дня, но сказал, что тезисов никаких публиковать не надо, чтобы не делать их «достоянием Германии», а также «не решать» до совещания вопроса о конференции⁵. Однако Оппоков, соглашаясь со сроками совещания и предлагая собраться 20 января, настаивал и на скорейшем созыве конференции: через несколько дней — неделю, а уже затем, 15 февраля, съезда.

С предложением Ленина о созыве совещания согласился и Бухарин, считая, что там «столкуются фракции», однако, говорил он далее, «конференция нужна сама по себе, и необходимо договориться о том, чтобы ее решения носили обязательный характер», подводили «фундамент под разноголосицу» и устанавливали ясность⁶. По мнению Бухарина, можно «дать на страницах «Правды» ряд статей с тезисами, но в скрытом виде»⁷. Относительно созыва съезда он считал необходимым «поработать над его

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август — февраль 1918. С. 214.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ Там же.

⁵ См. там же. С. 215.

⁶ См. там же.

⁷ Там же.

порядком дня, чтобы не было таких скороспелых докладов, написанных на колене, как в июле месяце»¹.

Крестинский предложил «тезисы отгектографировать» и раздать их разъезжающимся делегатам III съезда Советов, но Ленин считал важным «в письменном виде ничего не давать», а устроить для отъезжающих совещание². Зиновьев, подытоживая свое отношение к конференции, сказал, что надо оставить вопрос о ней открытым до совещания, о котором говорил Ленин.

К этому времени по обсуждаемому вопросу высказались уже все присутствовавшие, кроме Муранова. Некоторые брали слово неоднократно: по три раза говорили Оппоков и Бухарин, по два — Зиновьев, Свердлов и Крестинский. И, как бы суммируя все высказанное, Ленин взял слово в шестой раз. Подчеркнув, что «с партийной программой нельзя поспеть к 15 февраля», он предложил созвать совещание 20 января в составе ЦК партии, представителей ясно выраженных точек зрения, Петербургского комитета, москвичей, дав возможность каждой группе представить свои тезисы. Это предложение принимается единогласно, но договорились назначить совещание на воскресенье 21 января (3 февраля)³. Решение вопроса о конференции большинством в 8 голосов перенесли на это совещание⁴. Постановили также созвать съезд партии 20 февраля (5 марта), отложив до следующего собрания определение его повестки дня⁵. Все другие вопросы этого заседания ЦК были решены быстро.

В этот же день, 19 января (1 февраля), но в часы уже после того, как заседание ЦК РСДРП(б) в Петрограде закончилось, в Брест-Литовске состоялось пленарное заседание мирной конференции. Оно было открыто вечером болгарским представителем полковником Гантчевым, проинформировавшим, что их делегацию вместо министра юстиции Попова возглавляет теперь министр-президент Радославов, и предоставившим затем слово представителю Рады Севрюку⁶. Последний сказал, что вместо неприбывшего главы делегации Голубовича его обязанности будет выполнять он, и сделал заявление относи-

---

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август — февраль 1918. С. 215.

² Там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же. С. 216.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 144.

тельно двух заседаний, имевших место после возобновления работы мирной конференции. Севрюк изложил историю образования Рады до IV Универсала, объявившего Украину самостоятельным и независимым государством. Он не согласился с оценкой Троцким положения на Украине и его отношением к делегации Рады и заявил, что они вручают ноту своего правительства с предложением формально признать их как самостоятельное государство, имеющее здесь, на мирных переговорах в Брест-Литовске, свою полномочную делегацию.

Вслед за Севрюком выступил Медведев, также изложивший историю борьбы Советов за власть на Украине. Закljučая, он заявил: «Мы считаем своим долгом предупредить народы Австро-Венгрии и Германии, что всякие попытки противопоставить Украину России и на этом противопоставлении построить дело мира покоятся на ложном основании и поэтому обречены с самого начала на неудачу»¹. Реальную картину происходящего на Украине процесса подробно изложил и Троцкий, особо подчеркнувший, что не следует переоценивать сепаратистские стремления в революционной России, что в них «нельзя видеть длительной исторической тенденции», что это только «временное орудие самообороны определенных слоев населения, опасющихся революционной власти»². И Троцкий в этом плане предупредил представителей держав Четверного союза об опасности брать на себя роль третейских судей в вопросах взаимоотношений между Россией и Украиной, повторив одновременно, что мы не возражаем против участия Киевской Рады в мирных переговорах, но войдут в силу только те ваши соглашения с ней, «которые получают и наше признание»³.

Следующим выступил представитель Рады Любинский. Решительно возразив Троцкому и сказав, что до IV Универсала они якобы не хотели доводить до сведения общественности всех внутренних дел, относящихся к взаимоотношениям между Украиной и Россией, он далее обрушился с грязными клеветническими измышлениями на СНК и большевиков, характеризуя их как «правительство, опирающееся на штыки наемных красноармейцев», прибегающее для осуществления своих целей «к помощи наемных банд красноармейцев»⁴.

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 148.

² Там же. С. 151.

³ Там же.

⁴ См. там же. С. 152, 153.

На вопрос Гантчева, что обо всем этом думает русская делегация, Троцкий в ответ поблагодарил его как председательствующего, давшего возможность до конца высказаться предыдущему оратору, и переводчика за точный перевод, хотя и с кое-каким смягчением выражений.

В ходе дискуссии выступивший Чернин заявил, что у делегаций стран Четверного союза нет оснований отказать УНР в признании ее свободным и суверенным государством, правомочным вступать в международные сношения, что, собственно говоря, и нужно было австро-германскому блоку. Наша делегация подтвердила свою позицию. Почти после двухчасового изложения точек зрения по этому вопросу пленарное заседание было закрыто¹. Впоследствии Троцкий, которому представители Киевской Рады немало попортили крови, так отозвался об их поведении: «Трудно передать тот букет вороватого плутовства, провинциального самодовольства, мелкобуржуазного подхалимства и напыщенной глупости, который излучался во все стороны от господина Голубовича. Перед верховным трибуналом фон Кюльмана и генерала Гофмана киевские дипломаты многословно и плаксиво жаловались на антидемократический образ действия советской власти и на нарушение ею высших принципов социализма»².

20 января (2 февраля) в полдень Ленин беседует с командующим войсками Московского военного округа Н. И. Мураловым и его помощником А. В. Мандельштамом (Одисеем) относительно заключения мирного договора с Германией³. В ходе разговора он критикует лозунг о «революционной войне», выдвигаемый руководством московской партийной организации, знакомит своих собеседников с фронтовыми сводками, свидетельствующими о разложении русской армии⁴. Ленин говорит, что надо не воевать с немцами, а прекращать войну, быстро вооружать рабочих, сберегать и приводить в порядок военное имущество, набираться сил и средств, укреплять власть на местах⁵.

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 156.

² Там же. С. IV—V.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 222.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

21 января (3 февраля) опять «совпали» два заседания: политическая комиссия в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций в Брест-Литовске и совещание в Петрограде в ЦК РСДРП(б) с представителями «разных течений» по вопросам войны и мира. К этому моменту обе стороны придерживались тактики определенного затягивания переговоров, дожидаясь развития «своих» событий: мы — в рабочем революционном движении в Европе, немцы — в закулисных переговорах с представителями Киевской Рады. Поэтому каждая сторона ждала «своей» информации. Для нас конечно же и получать и передавать ее было гораздо затруднительнее. Телеграфная связь с Брест-Литовском часто либо портилась, либо отключалась немцами¹. Вот и в этот день, 21 января, Ленин пишет радиogramму: «Всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно»². В ней говорилось о положении в стране, о событиях в Финляндии, в Германии. Надо полагать, что мы хотели довести ее прежде всего до наших представителей на мирных переговорах до начала там очередного заседания. «Мы тоже крайне взволнованы отсутствием провода, — пишет в тексте радиogramмы Ленин, — в чем, кажется, виноваты немцы»³.

Заседание этого дня в Брест-Литовске открыл Кюльман. Между ним, Троцким и Черниным началась дискуссия по вопросу о приглашении на мирные переговоры представителей пограничных западных областей России, в ходе которой каждая сторона снова и снова давала свое понимание независимости этих территорий. Троцкий довольно искусно втягивал Кюльмана и Чернина в обмен мнениями, но и его партнеры тоже были начеку и не давали возможности «водить себя за нос», равно как и не стеснялись в выражениях относительно нашей тактики на переговорах. А когда Троцкий попросил дать слово представителю нашего комиссариата по национальным делам Бобинскому, который был в делегации консультантом по польским вопросам, Чернин и Кюльман отказали нам в этом за поздним якобы временем и предложили закрыть заседание. При этом Кюльман сказал, что по независящим от него обстоятельствам он не может назначить следующее заседание на 4, 5 или 6 февраля (на 22, 23 или 24 января) и предлагает собраться с утра 7 февраля (25

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 185.

² Там же. С. 321.

³ Там же.

января), а время, образовавшееся между заседаниями, использовать для работы в правовой и экономической комиссиях¹. Возражений не последовало и после полудня заседание было закрыто².

В этот день во второй половине в Брест-Литовске проходило еще одно заседание — русской и турецкой делегаций. Мы упоминаем об этом заседании только потому, что при обмене мнениями между Ибрагимом Хакки-пашой и Троцким по интересующим обе стороны вопросам вновь зашел разговор о правах представителей Киевской Рады. Разъясняя, Троцкий задавал вопрос: с кем ведут переговоры турецкие представители? с Киевской Радой? И далее он заявлял: «Политические отношения в России, несомненно, достаточно сложны для иностранных правительств, и мы охотно предоставляем каждому иностранному правительству на опыте убеждаться, с кем именно нужно вести переговоры»³.

А в Петрограде 21 января (3 февраля) во второй половине дня состоялось совещание ЦК с представителями разных мнений в партии по вопросу о заключении мира с Германией⁴. Из всего того, что мы знаем на сегодняшний день об этом собрании, протоколов которого не сохранилось, вырисовывается следующая картина. На нем присутствовали 17 человек: Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев), Сокольников, Зиновьев, Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор, Бухарин, Урицкий, Оболенский (Осинский), Стуков, Преображенский, Спундэ и Фенигштейн.

Косиор и Фенигштейн представляли Петербургский комитет, Оболенский (Осинский) и Стуков — Московское областное бюро партии; не ясно, кого представлял Спундэ; все другие, 12 человек, присутствовали на совещании как члены и кандидаты в члены ЦК РСДРП(б)⁵.

На этом заседании шло выявление мнений путем голосования по острейшим вопросам, которые были связаны не только с подписанием мира на предложенных нам Германией условиях, но и касались существа наших взаимо-

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 165.

² См. там же.

³ Рабочая и крестьянская Красная Армия и Флот (так после 17 января стала называться газета «Армия и Флот рабочей и крестьянской России»). 1918. 30 января (12 февраля).

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 225—226; Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 220—222.

⁵ См. там же. С. 220.

отношений вообще с капиталистическими странами, то есть характера внешнеполитического курса Советского государства на будущее. Вот почему представляют интерес результаты этого обмена мнениями. В голосовании каждый раз принимало участие 14 человек, ибо Зиновьев, Бухарин и Урицкий ушли с заседания до выявления этих результатов¹.

Согласно «вопроснику», который фигурировал на заседании, результаты были следующие². На вопрос, допустим ли вообще мир между социалистическим и империалистическими государствами, только Оболенский (Осинский) и Стуков ответили отрицательно.

Но вот на вопрос, допустимо ли сейчас подписать аннексионистский мир, предложенный Германией, результаты были другого характера: Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев) и Сокольников ответили положительно, а Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор, Оболенский (Осинский), Стуков, Преображенский, Спундэ и Фенигштейн — отрицательно.

Большинство проголосовало и за затягивание переговоров. Только Стуков и Спундэ ответили отрицательно, а Оболенский (Осинский) воздержался.

Дотягивать ли нам переговоры до разрыва их немцами, был следующий вопрос. На сей раз Оболенский (Осинский) и Стуков проголосовали против, а воздержался Спундэ.

В одиночестве остался Стуков, высказавшись за немедленный разрыв переговоров.

Задавался вопрос: допустимо ли подписать германский аннексионистский мир в случае, если немцы разорвут переговоры и предъявят нам ультиматум? Только Оболенский (Осинский) и Стуков проголосовали снова против.

А вот на вопрос, нужно ли в таком случае подписать этот мир, Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев) и Сокольников ответили положительно, отрицательно высказались опять Оболенский (Осинский) и Стуков, а Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор, Преображенский, Спундэ и Фенигштейн — воздержались.

Интересные результаты в свете борьбы мнений тех дней были получены на вопрос: нужно ли подписать мир, если Кюльман под давлением революционного движения

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. С. 220—221.

² См. там же.

внутри Германии согласится на первоначальные условия нашей делегации? Большинство ответило отрицательно; воздержались Ломов, Крестинский, Бубнов, Косиор и Спундэ.

Все присутствующие проголосовали за создание Красной Армии.

И наконец, большинство ответило положительно на вопрос, допустимы ли экономические договоры социалистического государства с империалистическими. Против высказались лишь Оболенский (Осинский) и Стуков.

О чем же в целом свидетельствовали эти результаты? Прежде всего в числе принимавших участие в голосовании была группа из пяти человек — Ленин, Сталин, Муранов, Артем (Сергеев) и Сокольников, которая твердо выступала за подписание мира. Далее, четыре человека — Ломов, Крестинский, Бубнов и Косиор — в принципе допускали заключение мира с империалистами, хотя не считали возможным пойти на его немедленное подписание и воздерживались по вопросу о необходимости его подписания при ряде других условий. При этом здесь отметим еще одну деталь: эти товарищи в принципе считали допустимым подписание мира в случае предъявления немецкого ультиматума, но при голосовании вопроса, нужно ли его подписать, воздерживались. Приблизительно таких же взглядов придерживались Преображенский, Спундэ и Фенигштейн. И только Оболенский (Осинский) и Стуков стояли на крайне экстремистских позициях: они считали принципиально недопустимыми любые переговоры и договоры с империалистами.

Словом, все это, вместе взятое, было на будущее тем не менее обнадеживающим при выработке тактики партии по вопросам войны и мира. И последнее относительно этого совещания в ЦК РСДРП(б) 21 января (3 февраля). Вероятно, после этого собрания Ленин и добавляет к своим «Тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» еще один пункт, 22-й по счету. В нем говорится: «Массовые стачки в Австрии и в Германии, затем образование Советов рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец, начало 18—20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать, как факт, что революция в Германии началась».

Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мир-

ные переговоры»¹. В силе, разумеется, оставалась и договоренность между Лениным и Троцким о том, что мы «держимся» до ультиматума, а затем «сдаем».

В переговорах в Брест-Литовске австро-германская сторона взяла, как известно, трехдневный перерыв. Кюльман и Гофман выехали в Берлин, Чернин — в Вену: предстояли консультации со своими правительствами по вопросам, связанным с заключением мира с Россией в свете революционных событий в Германии и Австро-Венгрии, а также сепаратистской позиции Центральной Рады. Последнее особо принималось в расчет, чему способствовали самые «свежие» события на Украине. 22 января (4 февраля) войскам Петлюры удалось временно подавить выступление пролетариата Киева, и Центральная Рада в тот же день 220 голосами против 1 и при 16 воздержавшихся постановила подписать с австро-германским блоком прелиминарные условия мира, разработанные обеими сторонами в Брест-Литовске за спиной русской делегации². За хлеб и продовольствие Рада должна была получить военную помощь.

На следующий день, 23 января (5 февраля), в Берлине у императора Вильгельма проходило совещание высших военных руководителей Германии, где, как вспоминает Людендорф, Гинденбург настаивал на выяснении положения с миром на Востоке с целью планирования операций на Западе и заявлял: «Если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено заключить мир»³. Пишет Людендорф и о своей встрече с Кюльманом в Берлине 4 и 5 февраля (22 и 23 января). «Я добился того, — подчеркивает он, — что статс-секретарь фон Кюльман дал обещание в течение 24-х часов после подписания мирного договора с Украиной прервать переговоры с Троцким»⁴. Тем более, вспоминает Людендорф, что большевики вообще не стремились к миру, не шли ни на какие уступки и возлагали свои надежды на революцию в Германии.

Печать стран Четверного союза в эти дни как бы зара-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 251—252.

² См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 282.

³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. С. 127—128.

⁴ Там же. С. 129.

нее подготавливает разрыв переговоров, выступая с клеветой на Советскую Россию. Газеты публикуют сообщения об арестах якобы Мартова, Рязанова, расстрелах рабочих, разгуле банд насильников, пишут, что поездка, мол, Каменева в Париж и Лондон рассматривается державами австро-германского блока как возобновление связей России с Англией, что Ленин и Троцкий спрятали, дескать, от других народных комиссаров письмо к ним от английского посла Бьюкенена и т. д. и т. п.¹ Ленин даже был вынужден 22 января (4 февраля) подготовить радиogramму под грифом «Всем, всем, всем», в которой сообщалось о действительном положении в Петрограде и Москве, в других районах страны². В ней говорилось также и о мирных переговорах с Германией. «Сведения из Германии скудны,— подчеркивалось в радиogramме.— Явно, что германцы скрывают правду о революционном движении в Германии. Троцкий телеграфирует в Петроград из Брест-Литовска, что немцы затягивают переговоры. Немецкая буржуазная пресса, явно подученная, распространяет ложные сведения о России, запугивая публику»³.

24 января (6 февраля) состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором присутствовали Свердлов, Ленин, Сталин, Урицкий, Зиновьев, Бухарин, Сокольников, Ломов (Оппоков), Бубнов, Стасова⁴. Рассматривался вопрос о повестке экстренного съезда партии, созываемого на 20 февраля (5 марта) 1918 года. Ленин говорил, что на съезде необходимо рассмотреть вопросы партийной программы, мира и тактики⁵. На важность вынести на съезд вопрос о партийной программе указывали в своих выступлениях Бухарин, Свердлов, Сталин⁶. Предлагалось также при постановке текущего момента вычленять отдельно вопросы внутреннего, внешнего и экономического положения. Об этом говорили Свердлов, Ломов (Оппоков)⁷. Заседание приняло порядок работы съезда, первым и вторым пунктами которого утвердили пересмотр партийной программы и текущий момент; для выработки

---

¹ См.: Правда. 1918. 6 февраля (24 января).

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 322.

³ Там же.

⁴ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 223—225.

⁵ См. там же. С. 223.

⁶ См. там же. С. 223—224.

⁷ См. там же. С. 224.

программы образовали комиссию в составе Бухарина, Сокольникова и Ленина¹.

Наступило 25 января (7 февраля) 1918 года. В этот день утром в Брест-Литовске Кюльман открыл после трехдневного перерыва очередное заседание политической комиссии в составе русской, германской и австро-венгерской делегаций². Заседание началось с того, что Кюльман, Троцкий и Чернин начали выяснять, чьи органы печати искажают в отчетах ход мирных переговоров и какая из сторон виновата в их затягивании. Поскольку каждый из выступавших придерживался своей точки зрения, то Кюльман и Чернин стали говорить, что в этих дискуссиях идет напрасная трата времени, что обе стороны тормозят переговоры, ибо споры ни к чему нас не приближают. И тогда Троцкий вновь попросил дать слово Бобинскому, нашему специалисту по польскому вопросу.

С. Бобинский от своего имени и от имени К. Радека зачитал декларацию, в которой говорилось о положении потерпевшего от войны польского народа и содержались требования об очищении Польши от чужих войск, предоставлении польскому народу права на свободное волеизъявление, возвращении беженцев, восстановлении разрушенного во время войны за счет средств международного фонда, решении вопроса о границах путем голосования и договоренности с соседними государствами. В декларации подчеркивалось, что важнейшим из этих требований является, конечно, вопрос об очищении от всех чужих войск оккупированных польских территорий, без чего «нельзя себе представить прочного и демократического мира, основанного не на явном насилии завоевателя»³.

Кюльман поинтересовался, является ли это заявление официальным, и когда Троцкий разъяснил ему, что материал наших специалистов не выходит за рамки темы конференции, и в этом смысле он — официальный, но в то же время это и информационный документ, облегчающий ведение мирных переговоров, глава германской делегации несколько взвинтился. Охарактеризовав «длинные заявления», которые им предлагают здесь выслушивать как агитационные, Кюльман выразил сомнение, что «подобные бесцельные митинговые речи могут послужить делу наших переговоров», и заявил, что он решительно

---

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918. С. 224—225.

² См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 165.

³ Там же. С. 173.

отказывается в дальнейшем принимать от русской делегации какие-либо заявления, если они «не будут делаться официально, от имени всей делегации»¹. У нас, заключил Кюльман, возникает «весьма серьезное сомнение в действительном намерении Русской делегации довести мирные переговоры до благополучного конца»². С протестом против декларации, подписанной Бобинским и Радеком, выступил также и генерал Гофман.

Взявший слово Троцкий заявил, что, когда здесь выступал представитель Рады и резко критиковал Советскую Россию и ее политику, это не встретило отповеди со стороны делегаций стран австро-германского блока, которые не расценивали тогда такие речи как агитационные. Явно не желая вступать в дискуссию по этому вопросу, Кюльман закрыл заседание, оговорив следующую встречу только через день вечером³. Надо полагать, что это время было нужно австро-германскому блоку для того, чтобы окончательно «решить» свои отношения с Радой, которая дышала на ладан. Уже на следующий день, 26 января (8 февраля), в Киеве была установлена Советская власть⁴.

В этот день газеты поместили информацию, которая имела отношение ко всему комплексу вопросов, рассматриваемых на мирной конференции в Брест-Литовске. Из Франции сообщали, что заседавший там в Версале в течение нескольких дней Верховный военный совет стран Антанты решил «усилить боеспособность союзных войск и теснее сплотить союзные державы в их борьбе против германского милитаризма» с целью достижения мира, основанного «на принципах свободы и справедливости»⁵. Это, конечно, было еще одной из причин, заставлявшей державы Четверного союза торопиться с решением вопроса о мире на Востоке.

И они спешили. В ночь на 27 января (9 февраля), в 2 часа утра, в Брест-Литовске был подписан сепаратный мир между Радой и державами Четверного союза, от которых свои подписи поставили Кюльман, Чернин, Радославов и Талаат-паша, а также некоторые другие члены делегаций стран австро-германского блока⁶. От Рады

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 175—176.

² Там же.

³ Там же. С. 176—177.

⁴ См.: Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. С. 283.

⁵ См.: Известия ЦИК. 1918. 26 января.

⁶ См.: Известия ЦИК. 1918. 31 января.

его подписали Севрюк и Любинский, при этом в момент процедуры подписания договора власти Рады в Киеве уже не было и, как остроумно потом заметил Троцкий, «единственной территорией, где еще держалась Рада, был Брест-Литовск»¹. И даже те, кто подписал этот договор от имени Рады, приехали обманном путем, заявив при проверке документов, что они входят в состав делегации рабоче-крестьянского правительства Украины, о чем сами же и похвалялись в Брест-Литовске². Так завершилось предательство Радой интересов украинского, русского и других народов России, интересов революции. Согласно договору, она признавалась единственной законной властью на Украине, ей была обещана военная защита, а взамен Рада, как писал Гинденбург, должна была в дальнейшем «обеспечить Австро-Венгрию и Германию сырьем и продовольствием», равно как и согласиться с тем, что Восточная Галиция и Буковина оставались в границах Австро-Венгерской монархии³.

В такой обстановке русская, германская и австро-венгерская делегации и собрались на очередное заседание политической комиссии вечером 27 января (9 февраля)⁴. Открывая его, председательствующий Кюльман сразу же начал подводить некоторые итоги работы мирной конференции, подчеркнув, что главной темой переговоров были политические вопросы⁵. Выразив сожаление, что сторонам не удалось достичь «большого сближения» своих точек зрения, что если каждая из делегаций будет стоять на своем, то и в дальнейшем «прения не дадут более благоприятных результатов», Кюльман заявил, что «нельзя бесконечно затягивать мирные переговоры, не обеспечивающие успешного исхода»⁶. Все это вынуждает нас, заключил Кюльман, «принять как можно скорее определенное решение»⁷. Выступление Кюльмана было поддержано Черниным, сказавшим, что уже в течение недели мы ведем на конференции бесплодные споры.

Троцкий в ответ также сделал обзор работы конференции. Говоря о новой границе, проводимой Германией

---

¹ Известия ЦИК. 1918. 31 января; Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 248.

² См. там же. С. 253.

³ См.: Никольников Г. Л. Брестский мир и Украина. С. 47—50; Гинденбург П. Воспоминания. Пг., 1920. С. 16.

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 177.

⁵ См. там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

и Австро-Венгрией по оккупированным территориям, он высказал пожелание, чтобы по этому вопросу было предоставлено слово нашим военным консультантам. Коснулся Троцкий и вопроса, связанного с Киевской Радой, напомнив, что мы предупреждали о ее падении другую сторону и подчеркивали отсутствие «какого бы то ни было практического значения переговоров с ее делегацией»¹. Говоря о том, что нам стало известно о спешном подписании державами Четверного союза договора «с правительством, которое, как мы категорически заявляли противной стороне, больше не существует», Троцкий заявил: «Такой оборот действий не может не вызвать сомнений в наличии у противной стороны желания достигнуть мирных отношений с Российской Федеративной Республикой, к осуществлению которых мы в настоящее время стремимся не менее, чем в начале переговоров. Более того, весь образ действий противной стороны в этом вопросе производит то впечатление, что Центральные Правительства как бы хотели создать для себя в признании Рады искусственную точку отправления для вмешательства во внутренние дела Украины и всей России»². И если у вас есть договор с Радой, заключил Троцкий, то он не будет иметь никакой силы ни для украинского народа, ни для Совнаркома, делегация которого является здесь единственно законной и полномочной представлять Российскую Республику.

По всему чувствовалось, что переговоры шли к концу, конфликт назревал, он, как говорится, «вital в воздухе».

Но прежде чем прекращать дебаты по принципиальным вопросам, надо было до конца еще раз выяснить весь объем территориальных притязаний австро-германского блока с учетом к тому же только что подписанного им сепаратного мира с Радой. И поэтому Троцкий попросил противную сторону «провести полностью на наших картах пограничную линию, предъявленную нам генералом Гофманом»³.

Опасаясь, видимо, дальнейшей затяжки переговоров, Кюльман предложил вопрос о новых границах передать в подкомиссию, выделив в нее от каждой делегации по одному дипломату, а также военному и морскому специалисту. А затем, отвечая Троцкому относительно соглашения с Радой, Кюльман заявил, что такой договор державы

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 180.

² Там же. С. 181.

³ Там же.

Четверного союза действительно заключили и «он помечен сегодняшним числом»¹. Вступивший в обмен мнениями Чернин в свою очередь подчеркнул, что поскольку правительство Рады признано странами австро-германского блока, то оно для них существует, а ваши отношения с ней, продолжал Чернин, нас не касаются. В итоге стороны договорились, что новые границы будут рассмотрены в подкомиссии, и Кюльман закрыл заседание, не без удовольствия сказав, что их делегаты сейчас будут «заняты в другом месте»².

Дело в том, что мирный договор с Радой был подписан в день рождения Леопольда Баварского, и Гофман в ознаменование этих двух событий организовал вечером праздничный салют, проинформировав всех, что делает он это с разрешения представителей Рады, поскольку Брест-Литовск по соглашению должен был отойти к Украине³. Иоффе, говоря вскоре о брест-литовских переговорах и в связи с этим о представителях Рады, вспоминал: «Бережно, как к малым ребятам, относилась к ним сначала русская делегация. Целые вечера тратились на то, чтобы разъяснять этим политическим младенцам весь смысл исторической трагедии, разыгрывавшейся на территории Брест-Литовской цитадели»⁴. Но все было напрасно, и в день подписания мирного договора с Радой нам «с вежливой насмешкой», писал Иоффе об этом эпизоде, было сказано немцами, чтобы «русские делегаты, отныне пользующиеся гостеприимством Украины, ибо теперь все находятся на ее территории, не пугались пушечной пальбы, так как это будут только салюты в честь подписания мира, первые со времени завоевания Бреста салюты, производимые с разрешения украинской делегации»⁵. Для Рады, подчеркивал также Иоффе, было совершенно безразлично, кто признает ее независимость — «Англия и Франция, которые были союзниками России, или же Германия и ее союзники, бывшие врагами ее»⁶.

И в этом плане отметим, что страны Антанты были весьма шокированы «изменой» Рады, на которую они «положили» немало сил и средств, вовлекая ее в свой антисоветский фронт, но отнюдь не желая, чтобы ресурсы

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 182.

² Там же. С. 187.

³ См.: Правда. 1918. 15 февраля (2 февраля).

⁴ Иоффе А. (Крымский В.) Внешняя политика Советской России. М., 1918. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 10.

Украины использовались против них самих же. Например, Англия, делая реверанс в сторону русской общественности, напомнила, что она никогда не рассматривала ни одну из местностей, входивших в состав Российской империи, как независимое государство, в том числе и Украину, и поэтому, заявлял Лондон, «притязания делегатов Рады в Брест-Литовске на обладание достаточными полномочиями для заключения сепаратного мира с центральными державами, с точки зрения Великобританского правительства, совершенно недопустимы»¹.

День 27 января (9 февраля) был, думается, переломным. Мир с Радой страны австро-германского блока подписали в 2 часа 14 минут ночи² и в тот же день на заседании политической комиссии вновь очертили круг своих территориальных притязаний к Российской Республике. Германская печать нагнетала обстановку, обвиняя русскую делегацию в дерзком поведении в Брест-Литовске, в безудержном ведении из главной квартиры немецкого командования на восточном фронте революционной агитации. Руководство русской делегацией, лично Троцкий имели за своей спиной вотум доверия ЦК партии и Совнаркома на затягивание переговоров и подписание германских условий мира в случае предъявления ультиматума. Полагаем, что при всей напряженности обстановки день «икс», так сказать, 27 января (9 февраля) еще не наступил. Во всяком случае, германская и австро-венгерская делегации выразили согласие рассмотреть линию новой границы на заседании подкомиссии. Троцкий имел регулярную связь с Петроградом, в последние дни он использовал ее очень интенсивно. И вечером 27 января (9 февраля), уже после заседания политической комиссии, он сообщал в Смольный: «Сегодня Кюльман и Чернин подвели итоги всем происходившим до сего времени прениям и предложили завтра окончательно решить основной вопрос... Таким образом, повторяю, окончательное решение будет вынесено завтра вечером»³.

Итак, Троцкий вечером 27 января (9 февраля) уверенно откладывает «окончательное решение» на сутки, до вечера 28 января (10 февраля). Каким должно было быть это решение? Разумеется, в духе директив ЦК партии и

¹ Правда. 1918. 16 (3) февраля.

² См. там же. 1918. 6 марта (21 февраля).

³ Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 210; Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 141.

СНК; другого, по крайней мере в эти дни, решения у Троцкого вроде бы не просматривалось. Например, за неделю до этого, 22 января (4 февраля), Троцкий в телеграмме на имя Ленина решительно опровергал проникшее в немецкую печать «нелепое сообщение о том, будто бы мы собираемся демонстративно не подписать мирного договора», назвав это сообщение «чудовищным вздором»¹. Здесь он не расходился с данными ему директивами и с той договоренностью, которую имел с Лениным.

Через два дня, 24 января (6 февраля), в штаб Западного фронта поступила телеграмма от военного консультанта нашей делегации генерала А. А. Самойло, выполнявшего распоряжение Троцкого². В телеграмме предлагалось доложить главкому Западного фронта и срочно сообщить начштабу главковерха о полной возможности, «даже в ближайшие дни, решения Германского главнокомандования прервать перемирие и возобновить враждебные действия». В связи с этим, говорилось в депеше, «Троцкий высказывается за необходимость провести самым ускоренным образом меры по вывозу в тыл и обеспечению материальной части наших армий». 26 января (8 февраля) из штаба Западного фронта докладывали, что «приняты все меры к ускорению вывоза в тыл артиллерии и материальной части»³. И здесь действия Троцкого не выходили за рамки необходимости принятия мер по сохранению материальных средств армии на случай опасного для нас поворота событий.

Словом, каких-либо оснований, свидетельствующих о том, что руководитель нашей делегации и вся делегация в целом собирались злоупотребить предоставленными им правами и доверием, 27 января (9 февраля) не было. Впереди были сутки.

28 января (10 февраля) в 10 часов утра под председательством члена австро-венгерской делегации доктора Граца открылось заседание подкомиссии по территориальным вопросам⁴. Кюльмана, Троцкого и Чернина на совещании, как это и было накануне решено, не было. Задачей подкомиссии, говорил председательствующий, является «определение границ той области, на которую в будущем должны распространяться верхов-

---

¹ Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. С. 213.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 187.

ные права Российского Государства»¹. Попросив присутствующих в целях ускорения работы подкомиссии избегать политических споров, Грац предоставил слово Гофману для разъяснения вопроса о границах России. Генерал дал короткое пояснение. Тогда Покровский предложил изложить нашу точку зрения Альтфатеру.

Контр-адмирал рассмотрел вопрос о новых границах, предложенных немцами, между Германией и Россией с военно-морских позиций. Он заявил, что речь «фактически сводится к присоединению к Германии Моонзундских островов — Эзеля, Даго и Моона»². Указав на огромное военно-морское значение Моонзундских островов на Балтийском море, Альтфатер сказал: «Это значение Моонзундских островов имеет, однако, совершенно различную стратегическую ценность для Германии и для России. Для первой острова имеют значение в целях агрессивных, направленных исключительно против России, для последней же — в целях оборонительных»³. Резюмируя эту мысль, Альтфатер подчеркивал, что отторжением Моонзундских островов преследуется главная задача: создание для Германии «в будущем наиболее благоприятных в военном отношении условий для развития успешных наступательных операций против России вообще и Петрограда в частности»⁴. Что же касается России, продолжал контр-адмирал, то оставление за ней этих островов «не имеет и ни при каких условиях не может иметь иных целей, помимо цели самообороны»⁵. Альтфатер показал также истинное значение отторжения от России ее портов на Балтийском море и в Рижском заливе — Риги, Либавы и Виндавы, через которые проходит 20 процентов общего экспорта и импорта нашего государства⁶.

Покровский предложил подкомиссии обсудить высказанные Альтфатером положения, однако Грац сказал, что им необходимо знать точку зрения нашей делегации о границах в целом, и в этой связи слово было предоставлено капитану Липскому. Последний начал с того, что указал прежде всего на несовместимость предложенного Германией нового начертания границ «с прин-

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ципом неделимости территории, населенной одной народностью»¹. Далее Липский подчеркнул чрезвычайно выгодное для Германии стратегическое значение новой границы, которая дает «возможность наступательных действий на широком фронте от Риги до Брест-Литовска и, одновременно, благоприятствует быстрым высадкам на прибрежной полосе от Риги до Финского залива»². В целом все это вело к крайне невыгодному для нас положению: создавало опасность северу страны, угрожало оккупацией Лифляндии и Эстляндии, подвергало смертельному риску Петроград. Москва хотя и находилась в меньшей опасности, однако и на этом оперативном направлении приходилось считаться с возможностью быстрой оккупации значительной части Белоруссии. Резюмируя, Липский подчеркивал, что «в стратегическом отношении проектируемая Германией граница обрекает Россию, в случае войны с Германией, на потерю новых территорий в самом начале войны и вместе с тем указывает на агрессивные намерения противной стороны»³.

После выступлений наших военных консультантов говорил Покровский, подчеркнувший, что все сказанное относится только к той части границы, которая была указана Гофманом на заседании политической комиссии еще 5 (18) января. Что же касается новой границы южнее Брест-Литовска, то мы, заявил Покровский, оставляем за собой право высказаться после подробного ознакомления с ней.

Вероятно, такой ход данного заседания не предусматривался «сценарием» германской и австро-венгерской делегаций, так как Грац «взял» короткий перерыв, предложив даже нашим представителям остаться на месте, поскольку, мол, он и его коллеги скоро вернутся. И представители противной стороны пошли «посоветоваться». После возобновления работы подкомиссии слово предоставили фон Розенбергу, который начал уговаривать нас согласиться с предложениями стран австро-германского блока. Он утверждал, что это совсем не граница между Россией и Германией, а лишь линия отделения тех областей, которые выйдут из-под верховной власти России, что права этих территорий, дескать, признаются и уважаются державами Четверного союза. Что

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 191.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 193.

же касается экономических невыгод, связанных с отторжением от России трех ее важных портов, продолжал фон Розенберг, то эти потери будут в значительной мере смягчены дружественными отношениями, которые отныне установятся между Германией и Россией. Из его слов выходило, что русской делегации и беспокоиться то не о чем¹. А что это так, подтвердил даже сам генерал Гофман, «ответственно» заявивший, что в стратегическом и военном отношении у России теперь больше выгод, чем у Германии².

Взял слово Грац. Коснувшись вопроса о границе южнее Бреста, относительно которой Покровский на этом заседании оговорил право нашей делегации высказаться несколько позднее, Грац заявил: «Я, однако, уже сейчас хотел бы указать, что в намеченной нами границе нельзя будет ничего изменить»³. И далее он сказал, что поскольку сегодня необходимо дать отчет о проделанной здесь работе на заседании уже политической комиссии, то предлагается собраться еще раз после обеда, чтобы обсудить и зафиксировать наши результаты. В полдень, после почти двух с половиной часов работы, заседание закрылось; повторные краткие возражения наших военных консультантов Альтфатера и Липского, поддержанные Покровским, во внимание приняты не были.

28 января (10 февраля) в первой половине дня Ленин беседует с Радеком относительно полученных известий о нарастании революционного движения в Германии и Австро-Венгрии⁴. Он знакомится с двумя докладными записками от главковерха Крыленко о положении армии и вытекающих из этого политических выводах и о постановке в Наркомвоене дела организации Красной Армии⁵. В связи с продовольственными затруднениями в Питере и опасностью здесь контрреволюционных выступлений Ленин предписывает наркомвоену Подвойскому и комиссару по делам о военнопленных А. Л. Менциковскому немедленно принять самые решительные меры для удаления из Петрограда всех военнопленных, в первую очередь офицеров⁶. Не в последнюю очередь

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 194.

² См. там же. С. 195.

³ Там же.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 238.

⁵ См. там же. С. 238—239.

⁶ См. там же. С. 239.

этот шаг диктовался, конечно, и положением дел на мирной конференции в Брест-Литовске. А до начала там повторного заседания подкомиссии по территориальным вопросам Ленин выступает с речью на заседании Всероссийского съезда земельных комитетов и крестьянской секции III съезда Советов, в которой, в частности, говорит, что «война уже прекращена, и объявлена демобилизация на всех фронтах»¹. Надо полагать, что, когда Ленин говорил об этом, он имел в виду продолжавшееся перемирие и начавшуюся по распоряжению СНК демобилизацию в армии ряда призывных возрастов, так как известная формула Троцкого «ни мира, ни войны» будет сказана в этот же день, но позже.

Приблизительно в эти часы Троцкий в посланной в Петроград телеграмме указывает, что «сегодня около 6 часов нами будет дан окончательный ответ. Необходимо, чтобы он в существе своем стал известен всему миру. Примите необходимые к тому меры»². И вновь Троцкий уверенно, теперь даже с указанием времени, говорит об окончательном нашем ответе на германские условия мира, не ставя под сомнение имеющиеся у делегации и у него как руководителя директивы партии и правительства.

В 16 часов 7 минут Грац продолжил работу подкомиссии по территориальным вопросам, предоставив слово Розенбергу³. Тот говорил о том, что последствия отторжения русских портов можно смягчить заключением экономического соглашения, проект которого австро-германская сторона составила⁴. Это соглашение могло бы быть включено в договор, продолжал Розенберг, огласив пункт о свободном русском транзите при определенных условиях через эти порты⁵. Касаясь вопроса о Лифляндии и Эстляндии, он вновь заявил, что русские обязаны очистить их от своих войск⁶.

Вероятно, высказанные Розенбергом предложения, связанные с транзитом через отторгаемые русские порты, давали определенный резерв времени для их обсуждения. Но видимо, Покровский также не имел полномо-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 330; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 239.

² Чубарьян А. О. Брестский мир. С. 141.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 200.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же. С. 201.

чий для «затягивания» данного заседания и, думается, знал о дальнейшем развитии событий на мирной конференции. Он ограничился тем, что сказал о многих неясных местах в предложении другой стороны, о которых русская делегация, заявил Покровский, скажет на заседании политической комиссии¹. Далее начался обмен репликами, порою колкими, по территориальным вопросам между Розенбергом, Покровским, Гофманом и Альтфатером, который в итоге завершил Грац, сказавший, что задачей данной подкомиссии являлось сближение позиций двух сторон относительно границ. «Полагаю,— заявил он,— можно констатировать, что подобного соглашения мы пока еще не добились»². Поэтому Грац предложил ограничиться тем, чтобы сообщить об этом на заседании политической комиссии, и в 16 часов 50 минут он завершил работу подкомиссии по территориальным вопросам³. Заседание продолжалось чуть более 40 минут.

В тот же день, 28 января (10 февраля), приблизительно через час после заседания подкомиссии по территориальным вопросам, Кюльман в 17 часов 58 минут открыл заседание политической комиссии в уже обычном составе — русской, германской и австро-венгерской делегаций⁴. Он начал с информации о том, что председатель русской делегации просит приобщить к материалам о переговорах три меморандума по национальным вопросам, которые державам Четверного союза пока неизвестны и по которым они оставляют за собой право высказаться в будущем. Сдается, что это был еще один момент в переговорах, позволявший продолжать их с целью выигрыша времени.

Далее Кюльман выразил пожелание выяснить некоторые недоразумения между сторонами и в этой связи предоставил слово Гофману. Тот заявил нам протест по поводу невывода из Финляндии русских войск, численность которых там якобы возрастает, что противоречило, по мнению Гофмана, «духу заключенного... договора о перемирии»⁵. Возражая, Троцкий говорил, что, наоборот, количество наших войск в Финляндии сокращается после заключения договора о перемирии и что к тому же

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 201.

² Там же. С. 204.

³ См. там же. С. 205.

⁴ См. там же.

⁵ Там же. С. 206.

эта территория не является германо-русским фронтом.

Предъявил нам претензии и Кюльман, заявивший, что, как стало им известно, русское командование издало приказ, возбуждающий германских солдат к действиям против своих командиров. Я ничего не знаю о таком приказе, давал ответ Троцкий, но могу в свою очередь сказать, что ваши газеты, выходящие на русском языке и распространяемые среди наших пленных, а также русских солдат на фронте, содержат грубую клевету против Советского правительства и его политики¹.

Обратив внимание на серьезность сегодняшнего заседания, Кюльман призвал не вступать в полемику, а обсуждать те пункты соглашения, по которым можно договориться, и здесь он предоставил слово Грацу для отчета о работе подкомиссии по территориальным вопросам. Грац был краток и, резюмируя ее заседания, сказал: «Не придя ни к какому соглашению относительно спорного вопроса о границе, подкомиссия сегодня закончила свою работу»². Тогда Кюльман предложил по этому поводу высказаться председателю русской делегации.

Это как раз было то время, когда из Петрограда в Брест-Литовск на имя русской делегации, Троцкого «шла» телеграмма за подписью Ленина и Сталина: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время и особенно после письма Иоффе. Повторяем еще раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его. Информировать нас почаще»³. Упоминание о Иоффе касалось письма последнего, в котором говорилось, что «в Германии нет и начала революции»⁴. Дата и время на телеграмме (28 января, 6 часов 30 минут вечера) и последняя фраза в ней были написаны Сталиным⁵.

Итак, на вопрос Кюльмана, что думает председатель русской делегации относительно результатов работы подкомиссии по территориальным вопросам, слово взял Троцкий. Был седьмой час вечера. Пришло время реше-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 206.

² Там же. С. 207.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 239. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 332, 485.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 336; Ознобишин Д. В. От Бреста до Юрьева. С. 75.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 485.

ний, начал Троцкий, «народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске», они хотят знать, когда закончится военная бойня, в которой идет борьба за раздел мира¹. Подчеркивая нежелание нашего народа участвовать далее в этой «чисто империалистической войне», его одинаково непримиримое отношение к империализму обоих лагерей, Троцкий заявлял, что «мы более несогласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого» и выводим страну из войны, извещая об этом «все народы и их правительства»². «Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии», продолжал Троцкий, и «отказываемся санкционировать» предложенные нам условия мира, написанные «мечом на теле живых народов», поскольку не можем поставить свои подписи под документом, который несет «гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ»³. Вы хотите, говорил Троцкий, «владеть землями и народами по праву военного захвата», так творите свое дело открыто, ибо «мы не можем освящать насилие»⁴.

И Троцкий передал представителям другой стороны следующее письменное заявление: «Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения Правительств и народов, воюющих с нами, Союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту»⁵.

Этот документ подписали: Л. Троцкий, А. Иоффе, М. Покровский, А. Биценко, В. Карелин⁶. Первые трое — большевики, двое других — левые эсеры.

Выступление Троцкого, зачитанное им от имени СНК заявление, которое было подписано всеми ведущими членами нашей делегации, включая ее председателя, про-

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 207—208.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же.

⁶ См. там же.

извело, конечно, впечатление на германскую и австро-венгерскую сторону. И не только впечатление, но и вызвало удивление, если судить по дальнейшему ходу этого заседания политической комиссии. Указав на важность сделанного Троцким заявления, Кюльман сказал, что они сейчас не могут высказаться по его существу, которое следовало бы совместно обсудить. Но перед этим, как подчеркнул Кюльман, он хотел бы задать несколько вопросов председателю русской делегации. Кюльман начал с того, что обрисовал положение сторон на данный момент в целом: между ними существует перемирие, и если не будет заключен мир, то оно теряет свою силу, то есть по истечении оговоренного в соглашении о перемирии срока возобновляются военные действия. В связи с этим, сказал Кюльман, возникают такие вопросы, как, например, намерена ли русская делегация заявить о прекращении войны между нами или где проходит внешняя граница России. Ответы на них необходимы в качестве условий возобновления консульских, экономических и правовых отношений, говорил Кюльман, и вообще, согласны ли вы возобновить торговые и правовые отношения в тех пределах, которые соответствуют прекращению состояния войны и наступлению состояния мира¹.

Иными словами, Кюльман хотел прояснить существо того абсурдного, если так можно сказать, положения, которое создавалось между нашими государствами после зачитанного Троцким заявления. Таким образом, и здесь существовала возможность для продолжения переговоров. Однако Троцкий «гнул» свою линию. Мы всё сказали в заявлении, подчеркивал он, а что касается юридической формулы, которая могла бы характеризовать состояние между нами, то ввиду глубоких расхождений ее невозможно подыскать для наших взаимоотношений. Троцкий снова шел напролом, отказываясь от поисков каких-то шансов на сближение в позициях сторон, отвергая продолжение переговоров, априори исходя из того, что час принятия решения настал, хотя, думается, и в тот момент резерв времени исчерпан еще не был. С чисто агитационной и пропагандистской точек зрения он отнесся и к возможности в создававшейся обстановке нападения германского империализма на Советскую республику, заявляя, что никто не поверит, будто «продолжение военных действий со стороны Германии

---

¹ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 209.

и Австро-Венгрии явится при данных условиях защитой отечества»¹.

И снова не закрывается возможность продолжить переговоры. Кюльман говорит, что для принятия определенного решения делегациям Четверного союза необходимо посоветоваться, и в связи с этим вносит предложение созвать на следующий день пленарное заседание, то есть встретиться при участии всех делегаций государств австро-германского блока, дабы они могли высказаться относительно создавшегося положения².

И опять Троцкий отказывается от предоставляемой ему возможности «потянуть» переговоры. «Что касается нас,— заявил он в ответ на предложение Кюльмана собрать на следующий день пленарное заседание,— то мы исчерпали все те полномочия, какие мы имеем и какие до сих пор могли получить из Петрограда. Мы считаем необходимым вернуться в Петроград, где мы и обсудим совместно с Правительством Российской Федеративной Республики все сделанные нам Союзническими делегациями сообщения и дадим на них соответствующий ответ»³. Здесь, как представляется, Троцкий несколько смягчает свою позицию открытого отказа от продолжения переговоров, переносит решение этого вопроса как бы в Петроград. Однако есть маленькое, но принципиальное «но». Зачитанное Троцким заявление от имени СНК, подписанное председателем и ведущими членами нашей делегации. Хода назад от этого официального документа уже не было.

А Кюльман по-прежнему выясняет «детали», интересуясь, каким образом стороны могли бы теперь «снестись друг с другом»⁴. И Троцкий поясняет, что технических трудностей здесь не будет, так как в Петрограде находится делегация стран Четверного союза, ведущая переговоры по вопросу о положении пленных — военных и гражданских, и она имеет канал связи со своими правительствами. Приняв сказанное нами к сведению, Кюльман заявил, что они оставляют за собой право на дальнейшие решения с последующей информацией нас об этом, и в 18 часов 50 минут закрыл заседание, которое прекращало работу брест-литовской мирной конференции.

Советская власть существовала уже 95 дней.

---

¹ Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 210.

² См. там же.

³ Там же.

⁴ Там же.